

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

ЗОЛОТЫЕ
НИТИ
СУДЬБЫ

Татьяна Гармаш-Роффе
Золотые нити судьбы

«ЭКСМО»

2011

Гармаш-Роффе Т. В.

Золотые нити судьбы / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-49459-0

Ксюша и Реми, проводя отпуск в окрестностях Ниццы, решили полюбоваться на местный феномен: Царицу озера. Световой эффект и в самом деле произвел сильное впечатление, но еще больше их впечатлил труп девушки, чьи светлые волосы запутались в необычных белых водорослях озера. Она упала со скалы? Или ее кто-то толкнул? Берясь за расследование этого происшествия, Реми совсем не представлял, как далеко оно их с Ксюшей заведет. Утопленница оказалась русской, и приехала она в горы повидать свою двоюродную сестру Лизу, которая отдыхала на вилле у друзей... Увы, Лиза отнюдь не отдыхала! В горах, тяжело раненная, она боролась за свою жизнь. И в эту борьбу за жизнь Лизы предстоит вступить частному детективу Реми Деллье и его жене Ксении.

ISBN 978-5-699-49459-0

© Гармаш-Роффе Т. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Понедельник	5
Вторник	9
Понедельник, продолжение	14
Вторник, продолжение	16
Понедельник, продолжение	23
Вторник, продолжение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Гармаш-Роффе

Золотые нити судьбы

ЧАСТЬ I

Понедельник

...Пыль забивалась в ноздри вместе с душным, тягучим запахом баранины.

Девушка чихнула, и тут же раскаленный скальпель боли взрезал ее мозг. Она сжала виски руками... И очнулась.

Сумрак, прохлада. Узкое оконце, из него струится свет. Она лежит на полу, на старой бараньей шкуре, от которой исходит этот тошнотворный запах, пальцы чувствуют грязный и пыльный мех. Небольшая комната, стены без штукатурки, камень и цемент. Деревянная дверь приоткрыта, в нее видны далекие холмы. Выходит, это не комната в доме, а весь дом и есть. Маленький домик, избушка, сторожка...

Слышно, как щебечут птицы невдалеке. И еще стук лопаты, звонко терзающей каменистую почву.

Она с трудом села. Что это за домик? Что она тут делает? Как она здесь оказалась?

Некоторое время девушка смотрела на щель в двери, словно надеясь, что та даст подсказку... Но подсказки не было. На ум ничего не приходило, будто черепную коробку вытряхнули, а в пустоту закачали огненную боль.

Ее охватила паника. «Неужели я состарилась и у меня проблемы с памятью? – с ужасом подумала она. – Но если я уже старая, то когда же я жила и куда делась моя жизнь?»

Она вытянула руки перед собой. Они немного дрожали. Действительно состарилась?..

Ей стало не по себе. Прожить жизнь, возможно, долгую, – и забыть, что жила?!

Растопырив пальцы, она заставила их не дрожать. И вдруг осознала: кожа на руках молодая, без морщин!

Значит, не в возрасте дело! У нее, видимо, что-то с головой – вот почему она ничего не может вспомнить!.. Но там, недалеко от домика, есть кто-то, какой-то человек, который копает землю! Надо его спросить, что с ней случилось!

Она с трудом поднялась и тут же потеряла равновесие. Ухватилась за край небольшого обшарпанного стола, сделала несколько шатких шагов к двери, открыла ее. Домишко стоял на склоне горы, полого уходившей вниз. Слева высилась отвесная скала, поросшая редкими кривыми деревьями. Судя по положению солнца, над землей занимался рассвет. Вокруг, насколько хватало глаз, высились холмы – одни повыше, другие пониже, а вдали, в неясной дымке, светлели вершины гор. Воздух трепетал, подрагивал, скрадывая перспективу, отчего возникало ощущение, будто перед ней огромный экран с картинкой, а вовсе не настоящий пейзаж. Наверное, она поэтому не любила горы. Они заслоняют горизонт, и планета кажется крошечной. И человек в них чувствует себя крошечным... Маленькое живое существо в плену у неживых каменных громад.

Стук лопаты доносился слева, между стеной домика и скалой.

Она, оторвавшись от дверной притолоки, двинулась влево. И точно, она не ослышалась: какой-то мужчина в клетчатой рубашке копал яму метрах в пяти от домика. На звук ее шагов он обернулся. У него оказалась неопрятная черная борода с проседью; блеклые, словно застиранная майка, глаза настороженно блеснули из-под нависших век.

– Ты жива? – удивился он.

Она хотела ответить, как вдруг почувствовала сильную тошноту. Справиться с ней не было никаких сил, и ее вырвало тут же, у домика.

– Мерд! Обгадила мне всю стенку! – в сердцах выругался мужчина, обнажив редкие подгнившие зубы.

– Дайте воды... сильвуплэ... – произнесла она и тут поняла, что говорит с ним по-французски... по той причине, что он говорил с ней по-французски же!

«Я во Франции... Ну да, конечно! Я приехала сюда... к... к друзьям...»

Вспомнить, к каким таким друзьям, она не смогла.

– Пардон... Я очень сожалею... Мне плохо... Мне нужно попить воды... У вас есть вода?

– Так ты жива, получается!.. – с досадой повторил мужичок. Затем достал из кармана старых грязных джинсов, висевших мешком на его худосочном заду, мобильный и принялся набирать номер. – Ты в дом иди, – оторвался он от телефона, – там несколько бутылок на полу. Иди, иди! – Он замахал в ее сторону рукой, словно хотел подтолкнуть к дому.

Вода! Она повернулась и стала проделывать обратный путь – всего несколько шагов, но таких трудных... Боль плескалась в черепной коробке, словно там кто-то кипятил котелок на костре.

«Что такое? – услышала она, как заговорил мужичок в трубку. – Мы так не договаривались, чтоб живую закапывать!»

Ей показалось, что это смешная шутка. Вернее, шутка плоская и совсем не в ее вкусе, но мужичку она должна казаться смешной – иначе зачем бы он так острил?

Доковыляв до бутылки, она принялась жадно пить и оторвалась только тогда, когда мужичок появился на пороге.

– Вот что, – произнес он деловито, поставив лопату у двери, – живой я закапывать тебя не стану. Я же не садист какой-нибудь! Так что давай я тебя сначала убью!

Она не поверила своим ушам. Сказанное мужичком было столь нелепо и столь дико, что ее разум отказывался принять его слова всерьез. Это просто очень глупая и непонятная шутка...

Та часть мозга, которая еще функционировала, несмотря на оглушающую боль, вдруг строго и сухо проинформировала: шуток тут никто не шутит. Этот мужик хочет ее убить... перед тем как закопать! И яма уже почти готова... Яма, могила – для нее!

Мужик обвел глазами комнатку – размышлял, чем бы ее убить. Она вдруг очень ясно поняла: сейчас идут последние минуты ее жизни. Последние, если она не придумает никакого выхода!

Но мозг не работал. Ничего не подсказывал.

– Не надо меня убивать, – произнесла она жалобно, – пожалуйста, не надо!..

Казалось, он удивился.

– Так мне же деньги заплачены!

– Послушайте...

Она лихорадочно искала какой-нибудь выход из ситуации... И не находила. Бежать? Ноги ее подкашиваются и десяти метров не пронесут! Сопротивляться? Будь она в добром здравии, может, и справилась бы с ним – мужичок мелкий, хотя, пожалуй, крепкий... Но в ее состоянии нечего и мечтать!

– Деньги? – произнесла она с напором. – А у меня жизнь, единственная! Разве можно жизнь измерять деньгами?

Мужичок озадачился.

– Так это... заплачено ведь! Я и сам не рад, знаешь, – они говорили, что труп привезут... Но оно вон как повернулось. Теперь уж чего, теперь надо до конца доводить... Ты прилегла бы, все равно ноги тебя не держат, так уж ложись, что ли... Меньше суеты будет. Ты так и так не жилец, у тебя в голове дырка, все равно помрешь.

Услышав про «дырку», она принялась ощупывать свою голову... Вот она, «дырка»! Прямо на затылке. Кровоточит. Выходит, ее кто-то ударил по голове... С расчетом ее убить? И этому дядьке ее скинули, полагая, что она мертва? А ему велели ее закопать и посулили за это деньги?

Похоже на то... Но кто? Почему? За что?!

Ложиться нельзя. Мужичок ее тогда и голыми руками задушит. Или вонючей бараньей шкурой. Или застрелит, если у него есть оружие.

– Не хочу! – заявила она.

Мужичок заметно огорчился, даже растерялся, но через мгновение скосил глаза в сторону небольшого глухого шкафа у левой стенки. Она поняла: там у него что-то есть! – то ли моток веревки, то ли карабин, то ли нож... В любом случае там ее смерть! Его нельзя подпустить к шкафу!

Меж ними находился небольшой круглый стол, а старый шкаф с двумя узкими дверцами – за ее спиной. Она сделала шаг мужичку навстречу, по левую сторону стола, словно намеревалась перекрыть ему путь. Хотя он мог бы ее легко столкнуть с дороги. В ее состоянии и дуновения ветра достаточно!

Мужичок приостановился, но ненадолго. Видимо, тоже сообразил насчет «дуновения ветра». И уверенно пошел на нее.

Тогда она отступила, огибая стол справа. Еще шаг, еще шаг... Она двигалась в сторону двери, – где, она заметила, осталась прислоненная им лопата. Он, огибая стол слева, двигался к шкафу, косясь на нее. Он уже протянул руку к дверце шкафа, но, увидев, что девушка приближается к двери, передумал и бросился за ней вокруг стола.

Достигнув порога, она повернулась, прижавшись спиной к дверному косяку, схватила лопату с острым концом и выставила ее перед собой, крепко держа черенок двумя руками.

Он почему-то не понял...

Он буквально налетел на лопату.

Сам.

Черенок резко ударил ее в грудь, а острие... Острие вошло в его горло. Он удивленно вскинул глаза, а затем, схватившись обеими руками за лопату, осел на глиняный пол, хрипя.

Кровь била из его шеи. Он прикрыл веки, словно обрел долгожданный отдых, и откинулся назад.

Ее опять затошнило – от вида крови на этот раз. Выпустив черенок лопаты, она схватила бутылку и пила долго, долго... Потом присела на выщербленный табурет – стоять не было сил. «Надо его похоронить», – подумала она, но осталась сидеть, положив руки на стол.

Обморок с ней случился или просто сон ею овладел, но солнце стояло уже высоко, когда она открыла глаза. Все было по-прежнему, ей это не приснилось: труп с лопатой в горле, кровь... И несколько мух, с алчным жужжанием круживших над мертвецом.

Она поднялась, стараясь не смотреть в его сторону. Качнулась, как пьяная. Голова по-прежнему кипела от боли. Ставив с себя майку, она ее намочила, обтерла горящий лоб, шею, грудь... Собравшись надеть ее обратно, она вдруг увидела на ней брызги крови. Понятно, откуда они взялись...

Подлив еще немного воды, она принялась растирать пятна. Они не исчезли, но размазались, смешавшись с пылью и грязью, в избытке покрывавшими ее майку... Лучше грязь, чем кровь.

Неожиданно дал себя знать голод. Она сочла, что это добрый знак: раз организм требует еды – значит, собирается жить! В шкафу она нашла упаковку сухих галет и съела их все, запивая водой. Там стояла и початая бутылка дешевого вина, но она не решилась налить себе: хоть и слабый, но все же алкоголь, а она и без него как пьяная...

Еда, какой ни была скудной, ее немного подкрепила. Зажав под мышкой бутылку с остатками воды, она выбралась из домика. Осмотрелась. Куда идти, она не знала, но направлений было всего два: вверх по горе и вниз по ней же.

Она выбрала путь полегче: вниз. Куда он выведет, бог весть, – но выведет же куда-нибудь...

...Продержалась она недолго. Свалилась под каким-то кустом, теряя сознание. Перед тем как провалиться в обморок-сон, успела подумать: ее могут съесть хищники...

Она не знала, что хищники в этих местах не водятся.

Солнце стояло низко, когда она очнулась. Сон ее немного освежил, голова соображала чуть лучше, ноги чувствовали себя чуть крепче, руки почти не дрожали. Она по-прежнему не помнила ничего из того, что случилось с ней до пробуждения в домике, зато последние события помнила очень четко. Лопата, вошедшая в горло чернобородого мужичка, его удивленное выражение лица, неожиданно прояснившийся взгляд...

Снова накатила тошнота.

«Но ведь он намеревался меня убить! И закопать в яме!!! – возразила она самой себе, прогоняя чувство вины. – Я не сделала ничего дурного... Вернее, я сделала дурное, но... я просто защищала свою жизнь! Я имею право на это, ведь правда же?!»

Она брела по склону вниз до тех пор, пока не увидела внизу поселок и дорогу, вьющуюся меж домов.

«Спасена!» – подумала она и опустилась без сил на камень. Слезы хлынули из ее глаз – кажется, от радости...

Вторник

– Как ты думаешь, мы действительно увидим Царицу озера? Или путеводители приукрашивают?

– Приедем и посмотрим, – пожал плечами Реми. – Мы уже близко, так что потерпи.

– А мы не опоздаем? – беспокоилась Ксюша.

– В путеводителе написано, что на второй неделе июля этот феномен можно увидеть в пять сорок – пять пятьдесят утра. Сейчас пять десять, у нас еще полчаса. Мы будем на месте через несколько минут, хватит еще времени, чтобы выпить чашку кофе, взять напрокат морской велосипед и добраться до середины озера.

Ксюша довольно улыбнулась. Ее муж был всегда очень точен в расчетах времени, расстояния и вообще все знал наперед. Здорово жить с человеком, на которого можно во всем положиться!

Она обвила рукой его крепкие плечи. Он потерял ухом об ее кисть. За поворотом, между двумя холмами, блеснула вода. День начинался прекрасно.

Как гласила легенда, когда-то на вершине самой высокой горы из тех, что окружали озеро, высился замок (его развалины сохранились до сих пор), в нем жил князь со своей молодой и прекрасной женой. Князь часто отправлялся в военные походы, и княгиня без него тосковала, проводя дни в затворничестве. Шли годы, красота ее блекла, слезы иссушили глаза... И однажды князь вернулся из похода не один: он привез с собой юную девушку необыкновенной красоты. Волосы у нее были золотые, а длины такой, что покрывали ее восхитительное тело до самых пят.

Княгиня, понятное дело, не желала терпеть соперницу в доме. Думала она, думала, как златовласую красавицу извести, и придумала: приготовила ей напиток из ядовитых трав, росших на склоне горы. Да только напиток выпила по случайности служанка и умерла в мучениях. Князь, раскусив злой умысел супруги, разгневался и велел утопить княгиню в озере, лежавшем в чаше гор.

Но мятежный дух княгини не думал успокаиваться и после смерти. Она вставала из озера на рассвете, словно вылитая из сверкающего золота: ей хотелось походить на соперницу.

«Ишь, уже тогда блондинки вызывали зависть! – усмехнулась Ксюша. – Даже призрак решил перекраситься!»

...Ее грозный силуэт возникал над озером, пока лучи восходящего солнца протискивались в прорезь между скалами, – казалось, что светило зажато в черные клещи, – а затем снова исчезал в глубине вод. Но в любое время и при любом освещении можно было видеть ее золотые волосы, клубившиеся на поверхности воды в центре озера. И не дай бог какой-нибудь красивой девушке, да к тому же блондинке, заплывать на середину! Ревнивая Царица немедленно утаскивала ее на дно, опутывая своими волосами, как сетью!

Так гласила легенда. И Ксюше очень хотелось увидеть, как встает из вод Царица – этот феномен, обаянный своей природой уникальной игрой света, если верить путеводителю. Ксюша вообще страстно увлекалась всем таинственным, необычным и загадочным. Правда, из-за этой своей страсти она однажды чуть не погибла в глухих подземельях замка Барбен¹... После чего поклялась мужу не пускаться в одиночку ни в какие приключения.

Приключения, однако, с тех пор и не думали подвораживаться – ни для соло, ни для дуэта, – и Ксюша немного приуныла. Выйдя замуж за Реми по большой любви и переехав жить к нему в Париж, она долго искала применения своим талантам и энергии, пока не нашла заме-

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Вечная молодость с аукциона», издательство «Эксмо».

чательный способ удовлетворить свою тягу к загадочному: она принялась сочинять детективный роман! Тем более что Реми являлся частным детективом, и материала у нее было предостаточно... Дело было за малым: написать. И она уже почти год проводила свободные часы за компьютером, правя и стирая написанное, – ей хотелось, чтобы роман получился безупречно красивым и безупречно логичным, при этом необыкновенно увлекательным! Таким, чтобы ни один читатель не смог выпустить его из рук, пока не дочитает до конца!

И сейчас Ксюша предвкушала изумительное зрелище, которое – как знать – может подкинуть ей новый оригинальный сюжет для будущего романа.

Несмотря на то что рассвет все ярче разгорался в чистом небе, возле озера оказалось сумрачно: оно находилось на дне чаши, образованной горами, местами высокими. На пляже собралось человек тридцать: легенда о Царице озера исправно привлекала любопытствующих, несмотря на ранний час. Даже один из ресторанов уже работал, предлагая туристам завтраки, напитки и кофе.

Реми поставил машину на стоянку, и они присоединились к толпе.

– ...и там увидите буйки. Они огораживают место, где следует встать, иначе вы не сможете увидеть этот феномен, – пояснял туристам местный гид. – Он длится около трех минут и вызван преломлением света, проходящего через щель вон в той скале, – указал он рукой на противоположную сторону озера, – а также испарениями воды на рассвете. Поэтому очень важно смотреть на него под правильным углом...

Оказалось, все морские велосипеды уже разобрали. Ксюше с Реми досталась лодка. Оставалось еще четырнадцать минут, и Реми уговаривал жену выпить кофе. До буйка плыть примерно семь минут – озеро небольшое, с километр в диаметре... – хоть лодка и не самое скоростное транспортное средство... Но она боялась опоздать.

Реми не стал настаивать. Кофе они могут выпить и потом.

Они направились на небольшой причал, у которого были пришвартованы лодки и морские велосипеды. Некоторые уже отплывали. Туристам помогали двое мужчин: усаживали людей, придерживали плавсредства, затем отталкивали от причала.

– Ой!

Лодка качнулась под ногами Ксюши. Она неловко опустилась на скамеечку. Реми сел за весла. Пара мощных гребков, и лодка вырвалась на водный простор. Темная вода недовольно морщилась под килем, свежий ветерок, неизвестно откуда взявшийся, быстро забрался под одежду. Ксюша раскрыла свою сумку, покопалась в ней, вытащила из нее тонкую шаль из шелка с кашемиром – сложенная в несколько раз, она почти не занимала места в сумке – и закуталась в нее.

– Садись за весла, – предложил Реми. – Согреешься.

Но Ксюша не захотела: пришлось бы перебираться на скамейку Реми, а лодка так опасно качается под ногами...

Они с трудом встроились в ряды жаждущих зрелища туристов. Буйки отмечали место, с которого следовало наблюдать за феноменом, – оно располагалось правее от центра озера. Наверное, слева эффект не тот. Поэтому все лодки и велосипеды сбились в ограниченном пространстве, едва ли не касаясь друг друга бортами.

Все посматривали на часы, и чем ближе подходили стрелки к назначенному времени, тем тише становились разговоры... Пока не прекратились полностью.

И вот наконец первый луч прорезал щель между скалами, – будто сверкающее копьё вонзилось в воду. Она вдруг засияла золотом, и над ней закружил сгусток светлого тумана... Он все рос, словно и в самом деле какая-то фигура поднималась из воды, выпрямляясь. С каждой секундой золотой столб увеличивался, возносясь над головами людей, постепенно принимая очертания женской фигуры в длинном платье, подол которого уходил в воду!

Среди зрителей пронесся вздох, зашелестели восклицания. Одни смотрели на это чудо, остолбенев, – у них, наверное, как и у Ксюши, мурашки побежали по коже: огромная женская фигура, нависшая над людьми, подавляла и пугала. Иные, предприимчивые, принялись щелкать фотоаппаратами, кто-то вскинул видеокамеру... Ксюша расстроилась: они не подумали взять с собой ни то, ни другое! Она, боясь пропустить хоть мгновение из необычайного зрелища, принялась на ощупь искать мобильный в сумке... Нашла! Качество будет, конечно, похуже, чем на настоящей камере, – но хоть что-то!

Она сняла силуэт Царицы, сотканный из пара и солнечных лучей, затем лицо мужа, замороженно разглядывавшего призрака, – и вовремя! Так как силуэт начал таять, уменьшаться, словно ниспадать обратно в лоно вод, – и вскоре ничто не напоминало о явлении Царицы. Только светлое пятно в центре озера обозначало ее чертоги...

Народ зашевелился, приходя в себя после пережитого потрясения, лодки и велосипеды стали разъезжаться кто куда: одни к берегу, другие решили покататься по озеру, несмотря на свежий ветерок.

– Поедем на «волосы Царицы» посмотрим! – предложила Ксюша.

Реми не возражал. Он плавно греб к центру озера. Когда весла стали застревать в водорослях, он их приподнял.

– Ремиша, ты только посмотри, посмотри! – воскликнула Ксюша, перегнувшись через борт. – Ну, точно как волосы!

В самом деле, водоросли редкостного белого цвета шевелились и волновались в воде озера, прямо на поверхности. Ксюша наклонилась, опустила руку в воду и вытащила из нее стебелек растения, похожий на локон.

– Потрясающе... – восхищенно проговорила она, разглядывая «локон».

Реми согласился, что это вполне «потрясающе». Ксюша отыскала в недрах своей сумки еще одну нужную вещь – на этот раз целлофановый пакет – и опустила в него локон, добавив озерной воды.

– Как ты думаешь, он выживет, если я его в наш аквариум опущу?

– Кто его знает... Ну что, поплыли пить кофе?

– Давай еще чуть-чуть тут погуляем!

– А ты не замерзнешь?

– Нет. Шаль теплая! А ты?

– А у меня весла с подогревом, – улыбнулся он.

Они поплыли по окружности озера. Ксюше было интересно все: она вглядывалась в окрестности гор, с восторгом замечая то стадо овец, пасущихся на склоне одной, то белые домики, угнездившиеся на склоне другой. Одна из гор, окружавших озеро, являлась на самом деле высокой отвесной скалой – именно через расщелину в ней проходил луч, создававший эффект Царицы. Здесь, в тени скалы, было сумрачнее и прохладнее. И тут тоже оказались белые водоросли.

– Невероятно!.. – продолжала восхищаться Ксюша. – Я теперь понимаю, почему возникла такая легенда! Стоит только посмотреть на них, как фантазия начинает работать! Они и впрямь как волосы! Длинные светлые женские волосы!

Она перегнулась через борт и принялась шевелить водоросли, пропуская их между пальцами, как пряди. Реми, не обладая восторженностью своей жены, согласно кивал, – так кивают играющему ребенку: пусть дитя тешится.

– Гзенья... – вдруг заговорил он.

Несмотря на все усилия Ксении приучить мужа произносить ее имя на русский (или, если угодно, древнегреческий) лад – он произносил его на французский, где сочетание «кс» приобретало звонкость и превращалось в «гз».

Реми, правда, тут же исправился:

– Ксения... Подожди... не мути воду...

Реми замер, глядя в сумрачную поверхность озера.

– Посмотри-ка сюда... – произнес он странным голосом.

Ксюша снова перегнулась через бортик.

– Смотрю... А что я должна увидеть?

– Эти водоросли... они НЕ КАК волосы...

– Не понимаю... Что ты хочешь...

Она запнулась в тревожном предчувствии. Реми вдруг сбросил с ног кроссовки, поднялся и... спрыгнул в воду!

– Реми! Ты чего... ты зачем?!

Он не ответил, разгребая руками белые завитки. Казалось, он что-то нащупал... Ксения не понимала что. Реми поднырнул и через несколько секунд появился снова над поверхностью воды, выпростав из нее руку.

На его ладонь были намотаны водоросли...

Нет... О, нет! мамочка родная, не может такого быть!..

На его ладонь были намотаны *волосы*.

Ухватившись за борт лодки, Реми все поднимал руку, поднимал выше и выше, – пока наконец из воды не показалось...

Лицо.

Ксюша охнула и рухнула на скамейку. Лодка резко качнулась.

– Помоги мне... – пропыхтел Реми.

Но Ксюша не двинулась с места.

– Реми... – прошептала она ставшими вдруг непослушными губами, – Реми, она на меня смотрит... Она живая!

– Сомневаюсь.

– У нее глаза открыты! Она на меня смотрит!

Реми повернул голову лицом к себе.

– Да нет же, Ксю! Ты никогда не слышала, что люди обычно умирают с открытыми глазами? Мертвецам глаза закрывают живые... Ты же детективы решила писать, а таких простых вещей не знаешь?

– Ты сумасшедший! – выкрикнула Ксюша почти в истерике. – То – *писать*! То есть *сочинять*! А не вылавливать в самом деле трупы из воды!!!

– А что делать... – житейски откликнулся ее муж, – коли тут труп...

Частный детектив Реми имел дело с реальностью – в отличие от его жены Ксюши, которая, сочиняя свой первый в жизни детективный роман, имела дело исключительно с вымыслом.

– Так ты сможешь мне наконец? – сердито проговорил он.

– Ты же не собираешься ее... это тело... положить у моих ног?!

– А куда еще? – не понял Реми.

– Не знаю! – закричала в ужасе Ксюша. – Но не ко мне!!!

Реми подумал.

– Хорошо, тогда плыви на берег, зови людей мне на помощь. С веслами справишься?

– Справлюсь! – заверила его Ксюша, у которой зуб на зуб не попадал от страха.

– Скажи тем парням на берегу, пусть ко мне лодку направят!

– А ты? Ты что, тут останешься?!

– Я боюсь упустить труп... Он может снова уйти на глубину.

– Но вода же холодная! Ты замерзнешь!

– Ксения, – рассердился Реми, – если ты хочешь, чтобы я не замерз, то двигай поскорее на берег и отправь ко мне лодку!

...Хорошо, что основная масса туристов уже схлынула. Посему выгрузка тела из лодки, которая прибыла к Реми на помощь, прошла при относительно небольшом скоплении народа.

– La fille est très belle... – произнес кто-то из толпы.

– Elle était très belle, – поправил его другой голос. – Elle n'est plus belle, elle n'est plus rien.

Un cadavre, voilà, c'est tout...

– Quel gâchis²...

² – Девушка очень красивая... – Она *была* красивая. Теперь она не красивая, она больше ничто. Труп, вот и все. – Какая жалость...

Понедельник, продолжение

Спуск к городку, который показался ей столь близким, занял еще немало времени. Она шла медленно, пытаясь унять шум в голове, удержаться на ногах.

Наконец она достигла невысокой ограды, шедшей вдоль асфальтированного тротуара, с трудом перенесла через него ногу, вторую – и побрела. Увидев указатель «Centre ville»³, она повернула и вскоре очутилась на небольшой площади. В центре – фонтан, по одну сторону – церковь, по другую – кафе. Столики под зонтиками, стулья...

Ноги ее сами понесли к кафе: организм отчаянно требовал отдыха. Перед глазами все плыло. Еще немного, и она рухнет прямо тут, на булыжное покрытие площади...

Наконец она опустилась на свободный стул.

– Бонжур, мадемуазель, что вам угодно?

Перед ней нарисовался официант в черных брюках и белой рубашке. Он смотрел на нее как-то странно. Должно быть, видок у нее еще тот...

– стакан воды, пожалуйста, – выдавила она из себя, вовремя сообразив, что при ней нет ни денег, ни сумки. Но воду в кафе бесплатно дают⁴ и отказать не имеют права.

Официант принес ей воды, но почему-то не уходил, наблюдая, как она пьет.

– Мадемуазель... Вам плохо? Я могу вам помочь?

– Если у вас найдется таблетка от головной боли...

– С вами что-то случилось? У вас такой вид, что... Простите, я лезу не в свое дело, конечно. Но у вас на затылке кровь... На вас кто-то напал? Может, вам нужна помощь полиции?

Она покачала головой. Помощь полиции ей совсем ни к чему. Она убила человека... Но рассказывать об этом *полиции*? Нет, исключено.

– Я упала, ударилась, ничего страшного... Таблетка от головной боли, и все будет в порядке.

Молодой человек колебался. Что-то нехорошее с девушкой произошло, это ясно. По большому счету, ему следовало не спрашивать у нее, а вызвать полицию самому. Но его клиента была такой хорошенькой и такой беззащитной, что он решил не вмешиваться.

– Хорошо, мадемуазель, я попробую найти для вас таблетку. Вы уверены, что вам не поможет чашка кофе?

– У меня... Я потеряла сумку... А в ней кошелек...

– Посидите здесь, я сейчас!

Через пару минут она увидела молодого человека: он пересек улицу и зашел в «Фармаци», аптеку то есть. Еще через пять минут он принес ей новый стакан воды, таблетку аспирина, чашку кофе и круассан.

– За счет заведения, – улыбнулся он, пресекая ее протестующий жест.

Поблагодарив официанта, она проглотила таблетку, затем всыпала в кофе сахар, размешала и принялась пить маленькими глотками горячий душистый напиток, надкусывая круассан.

Что на нее так плохо подействовало, она не знала: может, аспирин на голодный желудок, или его сочетание с кофе, или просто ее состояние ухудшалось, – но ее снова затошнило, перед глазами закружилась карусель.

Она с трудом поднялась и направилась внутрь кафе.

– Туалет здесь, – показал ей парень, угадав, что ей нужно.

³ Центр города.

⁴ Вода из-под крана, во Франции она питьевая.

Ее вырвало. Тогда она еще не представляла, что это ее спасло: аспирин при ее травме категорически противопоказан! Но она не знала, что у нее за травма и что ей можно и что нельзя; не знал этого, разумеется, и парень, жаждущий помочь из самых добрых побуждений.

Она долго пила воду из-под крана, – счастье, что во Франции она чистая, питьевая! – и ополаскивала лицо, затем опустилась на корточки у стенки, прижавшись к ней спиной. «У меня рана на голове, меня ударили... И у меня сотрясение мозга, видимо. От этого все и происходит...» – думала она, пытаясь унять нервную дрожь в теле и тошнотворное головокружение.

Она снова подошла к рукомойнику и, набрав в горсть немного воды, попробовала отмыть волосы на затылке от крови: незачем пугать прохожих. Затем, глядя в зеркало, провела пятерней по растрепанным волосам, кое-как их пригладив, оттерла пару грязных пятен со щек. Одежда ее тоже была грязная, да тут уж ничего не поделать.

Вышла она из туалета минут через двадцать и, стараясь придать шагу твердость, пересекла зал.

– Мадемуазель, погодите!

Ее догнал все тот же парень, официант.

– У нас тут есть небольшой медицинский центр... Давайте я вас отвезу!

– Где он?

– Недалеко, по этой улице прямо, там площадь с магазином, а рядом медицинский центр...

– Раз недалеко, то я дойду... Спасибо.

Ей было неловко, что о ней так заботится незнакомый человек. И она продолжила свой путь, спиной ощущая его вопрошающий взгляд. Да уж, небось не каждый день к нему в кафе являются девушки с разбитыми затылками!

Она брела, иногда держась за стены домов, в указанном направлении и думала о том, что денег у нее нет... И что она будет делать в медицинском центре без денег? Ведь врачу надо платить!

Но ей было слишком плохо, чтобы думать о деньгах. Ей нужен врач, а там уж...

Страшно хотелось лечь. Куда-нибудь, лишь бы лечь! Она качнулась и вновь ухватилась за стену какого-то дома. Постояла чуть-чуть и, справившись со слабостью, двинулась дальше. Где же этот центр, черт его дери, ведь официант сказал, что недалеко! Наверное, это на машине недалеко... Поэтому он и предложил ее подвезти... Зря она отказалась.

Она продолжала свой трудный путь, и ей становилось все хуже. Ноги слабели и подкашивались.

Надпись «Centre medical» она увидела в тот момент, когда ее глаза уже стали опасно заплывать под верхние веки. Собрав последние силы, она вошла. В маленьком пустом холле за стойкой сидела девушка, тут же навесившая на лицо приветственную улыбку.

– Бонжур! Что я могу сделать для вас, мадемуазель?

Не обращая внимания на девушку с улыбкой, она, завидев открытую дверь какого-то кабинета, а в нем топчан, направилась напрямик туда, собрав последние силы. Кабинет оказался пуст, чему она успела порадоваться перед тем, как растянуться на топчане и потерять сознание.

Вторник, продолжение

В ожидании полиции Реми аккуратно осмотрел тело. Девушка была в коротких джинсовых шортах, широкой белой блузке с глубоким вырезом, синих босоножках на шпильках. Волосы ее, длинные и светлые, оказались крашеными: у корней виднелись темные полосы. На руке модные часы, остановившиеся на отметке четыре двадцать пять, на пальце кольцо с сапфиром, окруженным мелкими бриллиантами (или подделка?), на шее золотая цепочка с крестиком. Больше при ней ничего не нашлось: ни документов, ни кошелек, ни мобильного. По логике вещей, все это находилось в ее сумке, – а сумка... Скорей всего, покоится на дне озера.

Видимых следов насилия не наблюдалось, по крайней мере, спереди. Только ноготь на одном пальце ноги был сильно надломлен. Споткнулась, ушиблась о камень?

Реми, стоя на коленях, осторожно приподнял тело, повернув его на бок. Ни на спине, ни на затылке тоже не оказалось никаких ран.

Он бережно опустил труп девушки на песок, запустил пальцы в карманы ее шорт, пошарил. Из левого выловил небольшой мокрый кусочек бумаги. Развернул.

– Не трогайте ничего до приезда полиции! – прогремел голос над его головой.

Реми положил клочок бумаги на место, в карман утопленницы, поднялся, посмотрел на говорящего.

– Я хозяин этого побережья, – сообщил невысокий широкоплечий брюнет лет пятидесяти, – я отвечаю за все, что тут происходит! Только полиция имеет право осматривать тело!

– Я частный детектив, – Реми протянул удостоверение.

– Частный? Хм... Это дает вам право осматривать труп до приезда полиции?

– Нет, по правде сказать.

– Тогда отойдите!

Реми спорить не стал, отошел. Ксюша тут же ухватила его за руку и вытащила из толпы любопытных, отвела в сторонку.

– Реми, она русская! – прошептала она возбужденно. – У нее крестик на шее православный!

– Или сербка, или болгарка, или украинка...

– Тоже верно...

– В кармашке у нее лежит записка, и написана она кириллицей.

– Вот видишь!

– Так кириллицей пользуются, если я не ошибаюсь, не только русские?

– Не только... А что там написано?

– Я не понял. Успел прочитать только «виль»... Может, «вилка»?

– Там стоял мягкий знак?

– Да.

Реми за время жизни с Ксюшей немножко поднатерел в русском. До разговорного ему было еще далеко-далеко, но кириллицу он читать умел и некоторые слова знал.

– Нет, не «вилка», она пишется без мягкого... Слово стояло отдельно? Или это была часть какого-то слова?

Реми подумал, вспоминая.

– Отдельно!

– Тогда... Реми, я подозреваю, что это было слово «виль»!

– А что это значит?

– По-русски – ничего. Произнеси по-французски!

– «Виль»? То есть ville?

– Скорей всего. Что там еще написано?

– Я не успел разобрать...

Обидно. «Ville» означает всего лишь «город». А городов и городков тут великое множество...

Прибыла жандармерия, Реми с Ксюшей дали показания.

– Я частный детектив, – сообщил Реми, – и если могу быть вам полезен...

– Мы записали ваши координаты, – сухо вато кивнул молодой жандарм. Наверное, как и большинство южан, он не жаловал парижан. – Если что, свяжемся. В любом случае мы вас вызовем для дачи письменных показаний.

Слышно было, как он договаривался по телефону насчет водолазов, чтобы попытаться найти сумку утопленницы.

«Дохлое дело, – пробормотал невдалеке хозяин. – Тут такие водоросли, что в них целую лодку не найдешь, не то что сумку...»

Тело девушки с золотистыми волосами загрузили в машину, и вскоре пляж опустел. Солнце уже пригревало вовсю, и одежда Реми почти высохла за то время, пока он осматривал утопленницу да общался с жандармами. Он повел Ксюшу в кафе: после гребли и купания-ныряния в холодной воде ему страшно захотелось есть. Они уселись за столик, сделали заказ. Ксюше кусок в горло не лез после пережитого потрясения, и она попросила только кофе, круассан и сок, – Реми же заказал омлет с ветчиной и чай.

– Вот после такого, – проговорила Ксюша, обмакивая круассан в кофе, – после такого легко поверить, что Царица озера утащила девушку на дно! Тем более что она блондинка, даже если крашеная...

– Ну-ну, – усмехнулся Реми, с аппетитом поедая омлет. – Может, ты переключишься на жанр фантастики?

Ксюша обиженно умолкла. Но ненадолго. Обижаться она не умела.

– Реми, а давай мы сами проведем расследование, а?

– И как ты себе это представляешь?

– Ну, ведь кто-то же ее утопил! Вот, будем искать кто! У нас есть зацепка: если она и не русская, то все-таки славянка, очень заметная, красивая – на нее обязательно должны были обратить внимание! И мы сможем опросить жителей близлежащих городков, не видел ли ее кто-нибудь! Я ее сфотографировала на мобильный, мы будем показывать ее фотографию...

– Гз... Ксю, девушка могла сама упасть со скалы! И никто ее не топил! Ты видела, какая там крутая скала? А какие на девушке шпильки?! Если она сдуру решила полюбоваться озером сверху, то неудивительно, что она подвернула ногу на камнях и упала в воду! Так что вряд ли тут что-то можно расследовать, если ты имеешь в виду преступление.

– Но...

– Жандармерия, в отличие от нас, получит заключение судебно-медицинского эксперта, который с точностью скажет, было ли применено к ней какое-то насилие или нет. А у нас с тобой такой информации не будет. Ты слышала, как ответил мне жандарм? Разве что прямо не послал к такой-то маме!

– Реми, но все же...

– Позвольте мне составить вам компанию? – неожиданно раздался голос совсем рядом. Они дружно повернулись: рядом с их столиком стоял хозяин побережья.

– Присаживайтесь, – кивнул Реми.

– Брюно, – он пожал им руки.

– Моя жена *Ксения* (он постарался выговорить имя правильно), а меня зовут Реми Деллье.

– Что-то вы мало заказали... Давайте еще что-нибудь попросим. За счет заведения!

– В чем дело? – насторожился Реми.

– Эээ... Не буду темнить, приступлю прямо к делу. Вот только заказ сделаю сначала...

Он махнул рукой, и официантка подлетела к столику.

– Тут очень вкусная рыба... Отведайте, не пожалеете!

Но Ксюша с Реми отказались.

– По бокалу вина? – настаивал Брюно.

– В такой ранний час? – удивилась Ксюша.

– Для вина любое время суток годится, мадам!

– Брюно, нас вполне устраивают кофе и чай. Говорите, с чем пришли, церемонии ни к чему.

– Я тут хозяин, как уже вам сказал... И мне дурная реклама не нужна.

– Это понятно.

– Вот и хорошо. Слухи расходятся быстро, сами знаете. Люди могут испугаться...

– Или, наоборот, потекут сюда рекой.

– Потекут, – согласился хозяин, – но люди суеверны. Они перестанут брать лодки и велосипеды – побоятся! Окопаются тут, на веранде ресторанов... Мне принадлежит только один – этот, где мы с вами сидим... Мои доходы складываются из аренды плавающих средств и этого ресторана... Причем за лодки и велосипеды я получаю доход едва ли не больше, чем приносит мне ресторан! Многие сюда приезжают лишь затем, чтобы покататься по озеру, искупаться, – эти платят еще за топчаны и кабинки для переодевания... Посетители нередко привозят с собой бутерброды и термосы, так что в ресторан заглядывают далеко не все... И если основная моя клиентура побоится теперь лезть в воду, то моему бизнесу конец!

– Чего вы хотите от меня? – спросил Реми, устав от предисловий.

– Пока жандармерия разродится... я успею разориться! Мне нужно, чтобы быстро доказали, что это несчастный случай... Или преступление, на худой конец! Чтобы никому не пришлось в голову, что в моем озере действуют потусторонние силы! Которые готовы утащить любого на дно!

– Но ведь, – удивилась Ксюша, – вы сами сказали, что на этой легенде и построили свой бизнес!

– Ха! Легенды всем нравятся! До той поры, пока они не начинают реально осуществляться! Люди рекой текли на Царицу озера, – но с момента, когда появилась жертва... Многие решат, что это Царица утащила на дно девушку! Они и теперь притекут, повторяю, и в больших количествах, – но ни в воду, ни на воду не сунутся: побоятся! А это мой основной источник доходов!!!

– Я правильно вас понял, – перебил его излияния Реми, любивший во всем точность и конкретность, – вы хотите нанять меня?

– Да, да, именно! Докажите, прошу вас, и как можно быстрее, что эта утопленница погибла от рук человеческих, а не мистических! Что моя Царица тут ни при чем!

– Мне понадобятся результаты судебно-медицинской экспертизы. Отчет о находках водолазов. И вообще любая информация, которая станет известна местному сыску. Только я сомневаюсь, что со мной станут охотно делиться, с частным детективом и парижанином...

– У меня есть связи! – горячо заверил его Брюно. – У меня племянник работает в жандармерии!

– И если водолазы найдут тут ее сумку...

– Я сообщу вам незамедлительно!

– Ну что ж... Мой гонорар...

И Реми озвучил сумму.

Хозяин крякнул, но согласился.

– Ксюша, – произнес Реми, выходя из ресторана, – твои молитвы были услышаны: мы с тобой займемся этим делом!

– Уррра! – завопила Ксюша. И тут же деловито спросила: – С чего начнем?

– А с чего бы начали вы, мисс Марпл?

– Ты меня в старушки записал? – кокетливо «обиделась» Ксюша.

– Нет, что ты! – иронично откликнулся Реми. – Я тебя в сыщицы записал... Ты же у нас теперь детективщица, а? Ну, давай, пораскинь мозгами!

Ксюша, хоть и чувствовала иронию мужа, решила не обращать на нее внимание. У нее возникла редчайшая возможность показать, на что она способна! А она способна... на многое! И пусть Реми над ней подтрунивает – она докажет ему, что справится!

– Первое, – проговорила она, – девушка русская... Или хотя бы славянка. Крестик православный, и пишет она кириллицей!

– Возражений нет, – кивнул Реми.

– Второе. Одета она не для прогулок по горам! Ее на эту скалу кто-то заманил! И столкнул в воду!

– Скороспелый вывод. Некоторые твои соотечественницы и шагу не могут сделать – не важно где – без того, чтобы не разодеться.

– Вот видишь, ты тоже склоняешься к мысли, что она моя соотечественница, то есть русская!

– Просто потому, что на Лазурном Берегу больше всего русских.

– Тогда сделаем простое арифметическое сложение: она православная, она пишет кириллицей, а на Лазурном Берегу больше всего русских!

– Допустим. Но будем держать в уме вариант, что она из другой страны Восточной Европы.

– Будем! А пока давай считать, что она русская. Теперь, одета она в дорогие шмотки. И рост у нее, и телосложение модельки... Такие девушки обычно приезжают с компанией... С компанией мужчин. Которые обеспечивают ее пребывание на дорогом курорте!

– Обобщение всегда хромает, – заметил Реми. – Но нередко работает. Примем его за рабочую гипотезу.

– Но тут не Лазурный Берег, – продолжала Ксюша. – Мы в Альпах, до моря довольно далеко. Значит, девушка приехала в эти места по каким-то особым причинам! Например, ее кто-то уговорил – типа, показать ей легендарное озеро... И столкнул ее со скалы!

– Девушка могла сама упасть, Ксю! У нас пока нет никаких причин думать, что ее нарочно столкнули!

– Нет, нет и нет! Такие модельные девушки не жаждут осматривать исторические и культурные достопримечательности! Она бы никогда не поехала сама! А уж если бы вдруг эта девушка оказалась исключением, пылающим любовью к одиночным походам по горам, – то она бы надела соответствующую обувь! А не босоножки на шпильках!

– Хорошо... – Реми подумал немножко. – Согласен. Будем считать, что она приехала сюда не одна.

– А человек, который ее привез, столкнул ее со скалы!

– Или она упала сама, – настаивал Реми.

– А где же в таком случае ее рыцарь?

– Испугался и смылся. Помочь ей он все равно бы не смог: тут звать на помощь некого, от этой скалы до противоположного берега озера звук не донесется. Нырнуть вслед за ней он тоже не мог: скала слишком высока для ныряния, он бы просто разбился, как и девушка; а в обход или в объезд тут далеко...

– Хм... Такой расклад исключить нельзя. Надо нам туда забраться и осмотреть местность!

– Согласен, мадемуазель Марпл. Пошли к машине.

Окружной путь к скале и впрямь оказался неблизким. Вокруг озера дороги не было, и им пришлось вернуться на шоссе, затем проехать через несколько поселков, расспрашивая по дороге местных жителей.

– Реми, смотри! – указала Ксюша на очередное дорожное панно. – «Вилль де...»

– И что?

– Слово «вилль»! А что, если наша девушка именно в этот городок ехала?

– Их тут уйма. – Он подвинул карту Ксюше. – Видишь? «Вилль» такой, «вилль» сякой...

Наконец они добрались до просторной округлой смотровой площадки со стоянкой и рестораном, создававшей «карман» у шоссе. Именно сбоку от этой площадки начиналась тропинка, ведущая, по словам аборигенов, на скалу, в самом начале которой желтое панно призывало туристов к бдительности: «Внимание, обрыв! Территория не ограждена!»

Приткнув машину, они вышли. Ксюша полезла в багажник, вытащила оттуда чемодан.

– Зачем тебе? – поинтересовался Реми.

– Кроссовки надены. Я не хочу упасть со скалы, как та девушка... – Она присела на бетонный парапет, окаймлявший смотровую площадку, и переобулась.

Они двинулись по тропинке, и минут через двадцать ходьбы внизу слева блеснуло озеро. Скала была практически отвесной, и от ее опасного края тропинку отделяла лишь полоска около метра шириной, поросшая пожухлыми под южным солнцем пучками высокой травы.

– Как красиво... – произнесла Ксюша, посматривая вниз.

Озеро лежало в чаше гор и сияло нестерпимой, нереальной голубизной.

– Бесподобно, – согласился Реми. – Никогда не видел такого яркого цвета. Понятно, что любая вода отражает небо, и когда оно голубое, то и вода кажется голубой... Но тут что-то еще.

– Это потому, что оно лежит среди гор, я думаю. Горы отражают свет... Или не отражают?

– Из-за водорослей скорее, они ведь белые. А может, еще и флюоресцируют... Надо будет почитать об этом озере, вот уж и впрямь диво!

Противоположный берег, откуда они уехали около двух часов назад, с его причалами и ресторанами, раскинутыми цветные навесы, казался отсюда микроскопическим райским уголком.

Легкий ветерок развеивал волосы Ксении – длинные, каштановые с рыжинкой, они в распущенном виде доставали до середины ягодиц, но обычно она их подкалывала или заплетала в косы. Сегодня она закрутила косы по обеим сторонам головы, но несколько прядей небрежно выбились, и ветер играл ими, обвивая стройную шею. Реми невольно залюбовался женой, ее тонкой фигуркой, которая здесь, на скале, казалась отчего-то особенно хрупкой.

Ксюша сделала осторожный шаг к краю.

– Эй-эй, – закричал Реми, – не вздумай приближаться!

Он крепко ухватил жену за руку.

– Я только чуть-чуть... Смотри, тут камни... они могли осыпаться под ногой, если девушка подошла к краю...

Ксюша вдруг опустилась на землю.

– Что такое? Голова закружилась? – забеспокоился Реми.

– Нет... Я хочу камень толкнуть... Но мне стоя страшно, поэтому я села...

Ксюша приладила и пихнула не слишком большой камень. Однако тот и не думал поддаваться.

– Вот этот толкни, – указал Реми. – Он полегче на глаз.

Ксюша толкнула булыжник, и тот качнулся. Тогда она толкнула его посильнее... И камень медленно, словно неохотно обернувшись вокруг себя пару раз, подкатил к самому краю обрыва и рухнул вниз.

– Получилось! – удовлетворенно произнесла Ксюша и поднялась.

– Браво. Теперь скажи, зачем тебе это понадобилось?

– А вот зачем! – она указала на оставшуюся от камня лунку: почва под ним была немного влажной, а саму лунку обрамляли зеленые, живые травинки, укрывшиеся под камнем от палящего солнца. – Помнишь, у девушки разбит ноготь на большом пальце правой ступни? Значит, она споткнулась и, возможно, свернула камень. Мы можем найти это место!

– Ход твоей мысли мне нравится. Но лунка, если она и есть, давно высохла. На часах девушки было четыре двадцать пять, – полагаю, что вчерашнего дня. Сомневаюсь, что она пошла бы гулять сюда ночью.

– Я тоже. Да и вообще, ее могли сюда привезти уже мертвой и скинуть тело в воду.

– Видимых следов насилия нет... во всяком случае, ее не зарезали, не застрелили и не задушили. И большего мы без результатов вскрытия не узнаем.

– Так это еще сколько ждать! Давай пока сами исследуем что можно! Даже если лунка и высохла, то вокруг нее травка зеленая, между прочим! Тоже знак!

– Ладно, – согласился Реми. Ему было столь странно обсуждать подобные вещи с Ксюшей, что его не отпускало ощущение, что они играют в игру. Может, причина в том, что он сам задал условия: отвел ведущую роль в расследовании жене и теперь следил за ходом ее мысли – весьма правильным, к слову. Так взрослые следят за детскими достижениями, радуясь, что у чада получается все ловко и складно, иногда подсказывая и повторяя: молодец, хорошо, правильно!

Он осмотрелся. Они находились над той частью озера, откуда наблюдали явление Царицы озера, – то есть справа, если смотреть от берега. Тогда как утопленницу они нашли в другой части, в левой.

– Нам туда, – указал Реми вперед.

И тут же чертыхнулся. Они забыли про расщелину в скале! Ту самую, через которую проходил солнечный свет, создавая эффект женского силуэта!

Они все же прошли до разлома. Расщелина была широкой – не переступить, не обойти...

– Значит, девушка попала сюда не со смотровой площадки. А с другой стороны скалы. Возвращаемся в машину, Ксю.

И снова они ехали по горной дороге, и Ксюша не переставала удивляться феномену этих мест: с одной стороны, по склону вверх, виллы возносятся горделиво, даже как-то самодовольно, посматривая свысока на машины, проезжающие у их подножия; с другой же стороны горы, уходящей вниз, видны были только крыши. Они казались огромными ступенями, вызывая иррациональное желание поскакать по ним в долину...

Время от времени они проезжали поселения, где спрашивали у местных жителей дорогу. Прошел еще час, прежде чем они добрались до того городка, от которого, как им подсказали, можно попасть на скалу с другой стороны.

Проехали нарядный центр с кафе, магазинами, собором, миновали теннисные корты. За ними начиналась оливковая роща, а дальше раскинулась дикая гористая местность.

Реми приткнул машину у кортов, и они двинулись пешком. Оставив позади оливковую рощу, они немного поплутали в поисках тропинки, ведущей к скале, и успели основательно изжариться на солнце, пока не наткнулись на точно такое же ярко-желтое панно, призывавшее туристов к бдительности: «Внимание, обрыв! Территория не ограждена!»

Наконец они выбрались на скалу. Реми осторожно заглянул вниз, Ксюша за ним, ухватившись за его руку. Озеро все так же одуряюще сверкало лазурью, только теперь на его глади, прямо под скалой, покачивались две лодки, казавшиеся пустыми.

– Водолазы, – констатировал Реми.

И в самом деле, через некоторое время один из них показался из воды, забрался в лодку, а спустя минуту вынырнул и его коллега. Насколько можно было рассмотреть с высоты, руки их были пусты: ничего не нашли.

– Девушка упала примерно отсюда, – Реми вытянул руки в стороны от того места, где они стояли, – метров пятнадцать влево и столько же вправо, точнее сказать трудно. С учетом плотных зарослей водорослей, тело дрейфовать не могло, так что будем искать на этой полоске.

Они принялись внимательно изучать поверхность скалы в обозначенном отрезке. Лунку от свергнутого в воду камня, вопреки надеждам Ксюши, им обнаружить не удалось, зато несколько сбитых и смятых пучков травы привлекли их внимание. Присев на корточки, они рассматривали каменистую почву.

– Смотри, – произнесла Ксюша, – здесь, где земля, дырочки... По-моему, от ее шпилек! Они наклонно уходят в почву, будто девушка упиралась... И подрыла каблуками траву, вот эту, почти с корнем.

Реми кивнул и передвинулся чуть в сторону.

– По-моему, это кровь, – произнес он, вглядываясь в один из булыжников. – Видишь это небольшое коричневое пятно?

Он достал из походной сумки бутылку с водой, намочил пальцы и коснулся пятна, чуть потеряв его. Затем посмотрел на палец.

– Красный... – произнесла Ксюша.

– Кровь. Подозреваю, что именно об него девушка разбила палец ноги.

Они переглянулись и распрямились.

– Ты думаешь то же самое, что и я? – спросил Реми.

– Ее толкали, она пыталась сопротивляться... Она не хотела в воду... Это не несчастный случай!

– *Это убийство.*

Понедельник, продолжение

Один из пациентов в последний момент предупредил, что не придет на прием, и доктор Лоран Бомон, воспользовавшись нечаянным «окном», решил сходить выпить кофе.

Возвращался он в медицинский центр по узким булыжным улочкам в обрамлении буйно цветущих садов, пребывая в прекрасном расположении духа: эти места, которые он любил, в которых он вырос, неизменно наполняли его сердце божественной красотой и чуть-чуть печалью – такой, какая, случается, нисходит на душу, когда слушаешь музыку великих композиторов.

Секретарша за небольшим бюро в холле вскочила ему навстречу. «Там у вас... Там девушка спит!»

Лоран бросил взгляд в свой открытый кабинет – он часто оставлял дверь настежь, когда уходил, чтобы устроить хоть небольшой сквозняк, столь спасительный в жару. Администрация медцентра до сих пор не оборудовала кабинеты кондиционерами, хотя дело обсуждалось уже третий год...

На смотровом столе – проще говоря, на топчане – он увидел женщину... Точнее, девушку – даже издалека было понятно. Лоран развеселился: такого еще не случалось, чтобы пациенты спали в его кабинете! Правда, как-то во время осмотра задремала старушка, – но так то ж старушка... А сейчас тут неизвестно откуда появилась спящая красавица! «Поцеловать ее, что ли? – весело думал он. – И стану сразу принцем!»

Быстрым шагом он вошел в кабинет, приблизился...

И оторопел.

Казалось, от нее исходил свет. Может, виной тому была ее слишком белая кожа, непривычная тут, на юге, или светлые волнистые волосы, как у «Ангела» Рафаэля, рассыпавшиеся вокруг ее головы ореолом, – он не знал.

Он не успел рассмотреть ее толком, он не успел оценить привычным мужским взглядом ни фигуру, ни лицо (оно было повернуто к стене, – так только, абрис щеки и ресницы...), ни одежду – ощущение необыкновенной гармонии этого тела поразило его раньше. Гармонии и...

И незащищенности, больно ударившей его в сердце.

Ему отчего-то почудилось, что эта юная женщина, почти дитя, спустилась на топчан в его кабинете прямо с неба. Как подарок. Как надежда. Как знак свыше.

...Подобно большинству мальчиков, Лоран созрел в ожидании великой любви, всячески прикрывая это ожидание показным цинизмом. В лицее он страстно увлекся экзистенциалистами и любил повторять слова Сартра: «Ад – это другие!» – питая при этом в глубинах души надежду, что все-таки найдется однажды такой Другой... Вернее, такая Другая, которая станет его Раем.

Время шло. Из лицеиста он превратился в студента медицинского факультета Лионского университета. Его подростковый цинизм теперь казался ему чуть ли не розовым романтизмом по сравнению с ядреным, культивируемым цинизмом будущих медиков. В Лионе, в этом большом городе, где столько возможностей для встреч, он, следуя неписаному (но поощряемому) студенческому коду поведения, проводил свободное время в кабаках и в случайных пересыпах со случайными партнершами... Пока однажды не понял, что ему это претит.

Из угара первых трех лет учебы он вынес заключение, что Сартр полностью прав. И ждать Другую смысла нет: ее не существует в природе. Сартр знал, что говорил.

Окончив университет, он вернулся к себе, в район альпийских предгорий. Поработал, как водится, сначала на заменах двух врачей общего профиля (что в России называется «терапевт»).

Один из них собирался вскоре на пенсию, и Лоран предполагал занять его место.

Через год с небольшим молодой доктор взял ссуду в банке и выкупил кабинет того самого ушедшего на пенсию доктора в медицинском центре города Монвердон. За короткое время он стал любимым «семейным врачом» местного населения. Дела шли столь успешно, что он досрочно выплатил кредит банку и вскоре взял новый: хотел выкупить родительский дом, где пока и жил. Отец его – тоже врач, хирург в местной клинике, – достигнув пенсионного возраста, решил перебраться поближе к морю. Мать Лорана никогда не работала, так что ее ничто не держало в Монвердоне. Но купить новый дом можно было, только продав старый, – и Лоран взял кредит, вернул родителям деньги, помог с покупкой нового жилья и с переездом, – а сам расположился в одиночестве на той вилле, на которой вырос.

Вскоре он завел необременительный роман с местной художницей по керамике, девицей вольных взглядов, который вполне устраивал обе стороны. Лоран полагал, что однажды – когда захочется обзавестись потомством – он все-таки женится... И постарается выдержать Ад.

А пока он наслаждался уединением, редкостной красотой родных мест, музыкой и чтением, по большей части философов, хотя вектор его интереса несколько сместился: теперь он читал современных.

Когда же отшельничество ему прискучивало, он ехал в Ниццу, где практиковали два его бывших сокурсника. Те активно старались ввинтиться в местный бомонд (тоже способ делать карьеру), и Лоран, хоть и смотрел на их потуги с иронией, но все же иногда присоединялся к ним: светские тусовки, концерты, приемы и прочие методы убийства времени имелись в Ницце в избытке.

Как сказал его любимый Сартр: «У человека в душе дыра размером с бога, и каждый заполняет ее, как может».

Лоран и заполнял, как мог.

Встреча случилась тогда, когда он меньше всего ее ожидал. К ним в медцентр пришла практикантка, миловидная брюнетка с выразительными глазами, недавняя выпускница того же факультета, который Лоран и сам окончил тому уж лет пять назад.

Очень быстро выяснилось, что она – звали ее Шанталь – любит такую же музыку, что и он; что она влюблена в горы; что она увлекается Сартром; что она...

Она любила все то, что любил Лоран. Она разделяла каждую его мысль, каждую его эмоцию.

Она была той, которую он так долго ждал!

Роман закрутился со стремительной быстротой. Уже через два месяца Лоран сделал ей предложение. Но Шанталь ответила, что слишком молода... и пока не чувствует себя готовой к семейной жизни.

Лоран принял ее ответ. Он считался с ее точкой зрения. Он помогал ее карьерному росту. Он ее любил. Он ею дышал. Она стала средоточием мироздания.

...Он слишком поздно понял, что Шанталь лгала. Лгала каждым словом, каждой улыбкой, каждым вздохом.

Когда она спустя год сообщила, что перебирается в Париж, – благодаря, к слову, тем профессиональным рекомендациям, которые ей дал доктор Лоран Бомон, и нескольким статьям в научных сборниках, которые он же помог ей написать, – он даже не сразу понял, что происходит. Он искренне порадовался за нее. «Тогда я займусь поисками работы для себя в Париже», – сказал он.

Шанталь долго молчала, глядя на него своими чудными темными глазами, которыми Лоран не уставал любоваться... Но сейчас в них словно занавес опустился в конце спектакля, а режиссер там, за занавесом, все решал, поднять ли его снова, выйти ли еще раз к зрителям...

А потом она, так и не произнеся ни слова, повернулась и вышла из его кабинета.

Лоран провел тяжелую бессонную ночь, мучаясь в догадках, – а наутро, придя на работу, нашел на своем письменном столе конверт с запиской.

«Я уехала. Не ищи меня. Спасибо за все. Прощай. Шанталь».

Дыра в душе... *Размером с бога*, говоришь, Жан Поль?⁵ Это не смертельно, дружище, – потому что ее еще чем-то можно заполнять! А вот когда в душе пробоина *размером с предательство*, – то ничем ее уже не заполнишь: нечего заполнять, умерла душа, сожжена...

Он молча запер свой кабинет, не ответил на встревоженный вопрос секретарши – разговаривать он был не в состоянии – и помчал в Ниццу. Как он не сорвался в пропасть на безумной скорости, с которой гнал по горным дорогам, – загадка...

Там, в городе, он рванул к друзьям, спросил, где найти кокаин. В студенческие годы им баловались (но именно «баловались») едва ли не все на медфаке, – так что Лоран знал, зачем приехал.

Друзья подсказали.

На кокаине Лоран просидел почти год. Десять месяцев, если точнее. Еще пару месяцев из его плена выпутывался.

Сумел.

Вернулся к своему привычному образу жизни: природа, музыка, книги, иногда – тусовки, для разнообразия. И к мысли, что другие – это Ад.

...А вот сейчас он стоял в своем кабинете, созерцая незнакомую девушку, словно упавшую с далекой звезды к нему, на его докторский топчан. И даже невольно на потолок посмотрел, нет ли в нем пролома...

Пролома там, разумеется, не было.

Лоран деловито прогнал странные (и совершенно нелепые!) мысли и принялся рассматривать незнакомку. Ее простенькая одежда – летняя юбка с цветочным узором в фиолетово-синей гамме, равно как и майка, светло-синяя, на бретельках, открывавшая верх нежной белой груди, – была грязна. На руках и ногах девушки виднелись множественные царапины.

Сквозь разметавшиеся волосы он вдруг заметил красные мазки крови на бумажной простыне. И мгновенно понял: на затылке рана, и кровь размазалась, когда девушка мотала головой во сне...

Нет, не во сне – в обмороке!

В этот момент Лоран сконцентрировался – он стал врачом, и только врачом. Перед ним теперь была не девушка, вызвавшая у него столь необычные чувства, – перед ним находилась пациентка, нуждавшаяся в его помощи.

И Лоран принялся ей эту помощь оказывать.

...Кажется, наступал вечер: широкое окно было густо-синим. В комнате горел яркий электрический свет. Она лежала на чем-то жестком. Похоже, на топчане... Ах, ну да!..

Она вспомнила, как рухнула на него в пустом кабинете медицинского центра. Приподнявшись на локте, она осмотрелась. Кабинет был по-прежнему пуст. Большой письменный стол буквой «Г», на нем компьютер, за ним внушительное хозяйское кресло... Хозяином должен быть врач, – коль залетела она в медицинский центр... Перед столом еще два кресла, помельче:

⁵ Сартр.

для посетителей. Узкий книжный шкаф с медицинской литературой. Весы, прибор для измерения давления... И ни души.

А кто же тогда включил свет?

Осторожно, стараясь не делать резких движений, она села, свесив ноги. У топчана лесенка в две ступеньки: чтобы пациентам было удобнее слезать.

Голова по-прежнему разламывалась от боли. Хотелось пить. У противоположной стены она увидела раковину с краном, рядом стопка одноразовых пластиковых стаканчиков. Опробовав ногой ступеньку, перенесла на нее тяжесть тела и, держась за топчан, осторожно ступила на пол.

Оказалось, что ноги ее босы. Значит, кто-то снял с нее босоножки... А вот и они, в стопке, аккуратно поставлены рядышком...

Она добралась до крана и принялась пить.

– Ну, наконец-то!

Она вздрогнула и обернулась.

На пороге стоял молодой мужчина, светловолосый – что не типично для французов, особенно южан. Брюки кремовые, рубашка с короткими рукавами на тон светлее, пуговицы у шеи расстегнуты, – вид летний и... Как это называется?

Она подумала и нашла слово: непринужденный.

– Ты⁶ пришла в себя, мерси, мон дьё!

Она поняла: «спасибо богу»... Неужто дела ее столь плохи, раз он не особо надеялся, что сознание к ней вернется?

Он подошел к ней поближе и принялся рассматривать ее лицо, словно чему-то удивляясь.

Затем, поймав ее взгляд, немного смутился и заговорил с повышенной бодростью:

– А вот вставать тебе нельзя! Пошли, я помогу тебе лечь. Сейчас за тобой приедет машина, отвезем тебя в больницу.

– Меня?

– А кого? Или я похож на человека, нуждающегося в госпитализации?

Она посмотрела на остряка-доктора. Загорелый, румянец на щеках... Да уж, из них двоих в больнице нуждается явно не он.

Он крепко взял ее под локоть и, приговаривая: «Тихонько, тихонечко, вот так, понемножку...» – отвел ее к топчану, придержал за спину, чтобы она опустилась на топчан мягко.

– Как тебя зовут?

– Меня? – переспросила она.

– Как зовут меня, я в курсе, – улыбнулся он. – Кстати, доктор Лоран Бомон. А тебя как?

– Кажется... Кажется, Лиза...

ЛИЗА. Это имя показалось ему необыкновенно красивым, загадочным, таинственным. Только так могла зваться женщина, прилетевшая к нему в кабинет с далекой звезды...

– Как «Мона»? – глупо пошутил он.

Девушка не поняла, о чем он, и насупилась.

– Почему ты говоришь «кажется»?

– Я... Я просто не уверена.

– Хм... А фамилия у тебя есть?

Она пожала плечами.

– Ты не хочешь мне сказать?

– Нет, почему же... Просто у меня голова так сильно болит, что мысли путаются...

– Вот подарок, – хмыкнул Лоран. – Так у тебя еще и амнезия?

⁶ Во Франции обращение на «ты» довольно распространено среди молодежи. В данном случае доктор считает девушку совсем юной, отчего обращается к ней запросто, на «ты».

- Амнезия?
- Ну, раз ты не помнишь, кто такая!
- Меня Лиза зовут!
- Ага, «*кажется*»! – насмешливо произнес доктор.

...Лоран так и не смог полностью избавиться от того странного ощущения, которое испытал, обнаружив эту девушку у себя в кабинете. Сейчас, когда она очнулась, когда он увидел ее глаза – светлые, с четким контуром ресниц, широко расставленные, – чувство ее «инопланетности» даже усилилось. И ему было неловко за это чувство: как мальчишка, право слово... Даже не лицеист, а так, начальная школа, когда еще немножко веришь в сказки...

Он его старательно гнал от себя. Так старательно, что, похоже, переборщил с иронической интонацией... Но он не знал, как с ней разговаривать. Как нужно разговаривать с девушкой, прилетевшей с далекой звезды? Может, где-нибудь существует руководство по общению с инопланетянками? Да он все равно его проштудировать не успел...

- Ну, извините, – сухо ответила она. – Я сейчас уйду... Не буду вас больше беспокоить.
 - И куда же это?
 - Я?
 - Ты, ты. Куда собираюсь я, мне известно. А вот куда собралась ты?
 - Я...
 - Тебе один путь, ма белль⁷, – в больницу.
 - У меня что-то с головой, да?
 - Не «что-то», а сильное сотрясение мозга вкупе с приличной гематомой!
 - А почему?..
 - Так это тебе лучше знать... Кто-то тебя по голове капитально ударил. Или ты сама обо что-то сильно ударилась. Не вспомнишь, случаем?
 - Нет...
 - Ладно. Я вызвал жандармерию, может, они что разузнают...
 - Жандармерию? – с ужасом произнесла она. – Это как полиция?
 - Да, а что ты так испугалась? Ты нелегально тут находишься?
 - Легально... кажется... Я в гости... кажется... Нет, не помню... А зачем их?!
 - Это обязательная процедура. Они уже уехали, не бойся. Констатировали ранение, – мало ли, вдруг оно имеет криминальное происхождение... И запечатали твой портретик – на случай, если тебя искать кто станет. Надо же установить твою личность, как ты считаешь?
 - А голова моя... Насколько это серьезно?
 - Пролома черепа нет, тебе повезло, только трещина. Обширная гематома, я тебе уже сказал, – скорее всего, она и служит причиной твоей потери памяти. Это ненадолго, не бойся: как только гематома рассосется и пройдет шок, память восстановится... Во всяком случае, я на это надеюсь. Далее, следов насилия нет, не считая царапин. Сексуального насилия тоже нет...
 - Вы меня... Вы?..
- Доктор понял.

– Не я, – заверил он девушку. – Я врач общего профиля, а на предмет возможного изнасилования осматривал тебя наш гинеколог. Она женщина, к слову, если тебя это волнует... Тебе вообще крупно повезло: я тут организовал своих коллег, рану твою обработал дерматолог, рентген сделали в нашем кабинете радиологии: надо было понять, каков характер твоей травмы. Стало ясно, что без больницы не обойтись, травма серьезная... Хотя в больницах не очень-то любят таких, как ты: ни документов, ни денег! И страховки небось нет. Кто платить будет, а?

⁷ «Моя красавица». Довольно распространенное обращение во Франции, которое обычно не имеет оттенка фривольности.

Она не ответила.

– Ладно, не бойся, тебя все равно примут и сделают все, что надо. Если потом, когда память к тебе вернется, сможешь заплатить, то и хорошо.

– А если нет?

– Ну, значит, получишь блага цивилизации даром.

– Такое бывает?.. – не поверила Лиза.

– В нашей стране – да! – хохотнул Лоран.

– А вы и ваши коллеги... Я ведь вам тоже не могу заплатить...

– Ма белль, считай, что это благотворительный жест.

– Я должна вам «спасибо»?

– Лишним не будет, уверяю тебя. Я организовал тебе обследование, которое стоит немалых денег. Вернее, гражданам Франции оно ничего не стоит, практически все покрывает страховка, но ты-то русская! К тому же без документов!

– Я – русская?!

– А кто же ты еще?

– Русская... Точно, я русская... Я из Москвы!

– Память начала возвращаться? Может, и фамилию вспомнишь?

– Вспомню! Просто у меня голова сильно болит...

Она подняла руку, намереваясь потрогать затылок...

– Стоп! – прикрикнул доктор. – Не прикасайся! Мы рану обработали, теперь там наклейка. Часть волос, извини, пришлось выстричь.

Он посмотрел на нее ожидающе, словно предполагал увидеть реакцию на слова о выстриженных волосах: девушки обычно очень расстраивались после такого известия.

Но его странная пациентка была озабочена вещами поважнее.

– Откуда вы узнали, что я русская?

– У меня мать чешка. Она в детстве учила русский, тогда это было обязательно, – ну, она меня некоторым словам научила... А ты бредила. Я пару слов опознал, только и всего.

– Какие?

– Слова? Ты маму звала... и какого-то Сашеньку...

– Сашеньку?

– Да. Не помнишь, случаем, кто это? Твой муж, приятель? Ты звала его... И голос у тебя был отчаянный и... нежный, что ли. Видимо, любишь ты этого Сашеньку...

...Лорана неожиданно больно уколола в сердце ревность. Хотя, может, не ревность это была, а разочарование... Если есть этот «Сашенька», то разве может быть девушка с далекой звезды подарком ему, Лорану? Что-то напутали тут боги...

Или он сам напутал. Со своими неуместными, детскими, нелепыми ощущениями! И это после всего того, что он пережил?! После Шанталь?!

Нет, его решительно занесло куда-то не туда. Какие, к черту, «далекие звезды»?! Возьми-ка себя в руки, парень! Займись делом, доктор!

...Лиза прижала пальцы к вискам. Что-то крутилось в ее отеком мозгу, какое-то воспоминание, но ей никак не удавалось его поймать – оно не давалось в руки, словно юркая рыбешка на мелководье. «Са-шень-ка, Са-шень-ка...» Это имя было ей дорого. И это было все, что она знала.

– Но ты не сказала ничего такого, – продолжал Лоран, – чтобы можно было понять, что с тобой приключилось... Кроме того, у тебя русский акцент. На Лазурном Берегу много русских, а я часто езжу на побережье, привык распознавать их произношение.

– И ты меня ненавидишь?

– С какой стати?

– Чехи, поляки, прибалты терпеть не могут русских!

– Я не поляк и не прибалт, ма белль. И даже не чех. Я француз. И политические игры между родиной моей маман и твоей родиной меня мало волнуют. Для меня ты пациентка. Хоть и анонимная, что довольно забавно... К слову, на тех русских, которые приезжают отдыхать на Лазурный Берег, ты не похожа. Одежда на тебе недорогая, обувь тоже. Там таких не водится.

– Как же я здесь оказалась?

– Хороший вопрос. Но на него только ты можешь дать ответ. Кстати, как ты нашла наш медицинский центр? Что было перед этим?

– Я пришла в себя в... в горах. Мне было очень плохо, голова раскалывалась... Я решила пойти по тропинке вниз...

– Сумки при тебе не было?

– Какой сумки?

– Обыкновенной. Какие женщины носят с собой.

– Не было... Или я ее не заметила? Я в тот момент плохо соображала... Меня тошнило...

– В твоём состоянии это естественно. Надо будет подъехать на то место, поискать, – задумчиво произнес Лоран. – Вдруг она где-то там лежит? А в ней твои документы! Мы тогда узнаем, кто ты. И, к слову, может, найдем следы крови на каком-нибудь камне: тогда будет ясно, что ты упала и головой ударились. Найдешь место, как ты думаешь?

– Не знаю... У меня все плыло перед глазами, – ответила она, с ужасом думая о том, что ей совсем ни к чему вести туда доктора: там хижина, где лежит труп человека, которого она убила! – Потом со мной снова случился обморок, – поторопилась она продолжить, чтобы не задерживаться на опасном вопросе о сумке и осмотре места. – Спустя какое-то время я опять очнулась и продолжила спуск, пока не добралась до этого городка... Мне официант в кафе сказал, что здесь есть медицинский центр, и я пошла по улице... А затем почувствовала, что снова теряю сознание. Я сюда вошла уже из последних сил и увидела через открытую дверь этот топчан... В тот момент у меня была только одна мысль: лечь!

– И ты легла, – подытожил Лоран. – А у меня в тот момент образовалось «окно» – пациент не пришел на прием, – и я ходил перекусить в кафе... Вернулся – и нате вам, сюрприз! Сначала я рассердился и хотел тебя выгнать...

Ну не мог же он сказать незнакомой девушке, что она ему показалась упавшим с неба подарком!

– ...но понял, что ты без сознания, – продолжил доктор. – Пришлось мне тобой заняться... О, кажется, «Скорая» подросла, – наострил он ухо.

И точно, за дверью послышался шум, и не прошло и минуты, как в его кабинете показались двое мужчин с носилками на колесиках.

– Кто тут пострадавшая? – громогласно проговорил один. – Вот эта?

Лоран кивнул, и мужчины подкатили к топчану носилки. Они ловко переложили на них Лизу и повезли ее к выходу.

– Я с тобой, не волнуйся! – проговорил доктор Бомон, следуя за мужчинами.

В машине ее легко переместили на лежак «Скорой» и пристегнули ремнями.

Они ехали довольно долго, покачиваясь на поворотах, которыми изобиловала горная дорога. В какой-то момент в окна полыхнул яркий свет, и машина, свернув в его сторону, вскоре затормозила. Затем обратная процедура: с лежака – на носилки, которые выкатились на ступеньку машины, – та опустилась, и, оказавшись на земле, носилки вновь выросли. Санитары повезли ее внутрь здания, сиявшего огнями.

Лиза скосила глаза, убедилась: Лоран следовал за ними, не обманул.

В зале, который носил название «экзаменационный» (то есть тот, где проводят исследования), к ней потекли врачи. Один снимал кардиограмму, другой делал анализ крови, третий измерял давление... Затем ее отвезли в соседнюю комнату, где находился сканер.

– Они собирают информацию для хирурга и анестезиолога, – шепнул Лоран.

– Хирурга? Меня собираются... Меня будут резать?!

– Лиза, – строго откликнулся Лоран, – тебя будут спасать! Лечить, понимаешь? Что сочтут нужным, то и сделают! Доверься врачам, расслабься!

– Я понимаю... Но что они все же собираются со мной сделать?!

– У тебя травма головы. Надо сделать пункцию... То есть отсосать гематому, которая образовалась под оболочкой мозга из-за удара. Иначе она будет давить на мозг, а это чревато... Это опасно, поверь мне! Врачи делают то, что нужно в данной ситуации. Расслабься.

Она ему поверила. Прикрыла глаза и отдалась во власть врачей.

Через некоторое время ее попросили проглотить таблетку – она послушно проглотила.

И еще спустя минут десять каталку тронули, повезли...

Ею овладевала сонливость, но все же она успела заметить, что Лоран следует за ней в лифт...

После недолгой езды по коридорам Лиза оказалась в операционной. К ней подошел человек в голубом стерильном халате и ввел ей в вену на кисти иглу, на обратной стороне которой торчал странный кусок пластика с четырьмя гнездами. Его назначение она поняла чуть позже, когда в одно из гнезд ввели наконечник капельницы, а в другую – шприца с какой-то жидкостью... «Это анестезиолог, – шепнул Лоран, – не бойся!»

– Ну а теперь будем баиньки, как хорошая девочка! – весело произнес анестезиолог.

– Спокойной ночи, малыши! – ответила она, чувствуя, как по вене левой руки течет что-то горячее и хмельное.

– Ну, кому «спокойной ночи», а кому работа! – хмыкнул анестезиолог.

Это последнее, что она услышала за этот жуткий, нескончаемый, трудный день.

Вторник, продолжение

Ксюша прижалась к мужу, потрясенная. Живое воображение всегда ставило ее на место жертв, даже когда она смотрела фильм или читала книгу, – вот и сейчас ей на мгновение показалось, что чьи-то сильные и недобрые руки толкают ее на край скалы, под которой сияло озеро, отражая невинную голубизну неба... Голова ее закружилась, словно она уже летела с высоты двенадцатиэтажного дома вниз, в голубой холод, и знала, что спасения нет...

Она схватилась за Реми, который крепко обнял ее. Он знал, что жена его впечатлительна, и сомкнул вокруг нее свои сильные загорелые руки.

– Пойдем, – произнес он через некоторое время.

– Куда?

– Попробуем расспросить жителей ближнего городка, Вилльгарда: чтобы попасть на скалу, нужно проехать или пройти через него. Девушку могли в городке заметить, обратить на нее внимание – она яркая, красивая. И слово «вилль» в ее записке могло относиться как раз к нему, к Вилльгарду!

– Пойдем, – Ксюша высвободилась из рук мужа. – Только... Погоди минутку!

Она сорвала несколько скромных лазоревых цветков, названия которых она не знала, росших на горе там и сям, и бросила их в лазурную воду, как в могилу.

После чего Реми, взяв жену за плечи, увел ее со скалы.

В каждом жилом образовании – будь то отдельная деревушка или двор из нескольких домов в мегаполисе – непременно находится наблюдатель за жизнью соседей и прохожих. Реми называл таких особей «консьерж», вне зависимости от пола. Да и то, во французском языке слово звучит одинаково – меняется только артикль перед ним, женский или мужской.

Настоящий консьерж наблюдает за передвижением жильцов и их гостей, потому что работа у него такая. Тогда как добровольный наблюдатель является «консьержем» исключительно в силу повышенного интереса к жизни за окном. Портрет его незамысловат: обычно человек ограниченный, без кругозора и образования, обладающий достаточным количеством свободного времени и не знающий, на что его потратить. В основном, конечно, время уходит на телевизор, но сериалы тоже приедаются, и «консьерж» принимается наблюдать за сериалами в реальной жизни. Такие свидетели – сущая находка при расследовании преступления: они буквально впитывают в себя фрагменты чужой жизни и потому помнят все, до мельчайшей детали: и как одет, и на чем приехал, и что сказал.

«Вот бы найти «консьержа»!» – помечтал Реми, двигаясь по тропинке к городку.

Первым делом он осмотрел ближайшую улочку: по логике, – если убийца ею обладал, конечно, – он поставил бы машину где-то тут, чтобы как можно меньше светиться со своей жертвой в людных местах.

Увы, своеобразный паркинг, – то есть относительно гладкая и ровная поляна у начала тропинки, ведущей в гору, где Реми оставил и свою машину (там сейчас стояли еще две), находился немного на отшибе. В лучшем случае он просматривался из окон ближайшего к нему дома. Но счастья попытать все же следовало.

Они нажали кнопку звонка на калитке. На крыльце показалась женщина с ребенком на руках. Реми объяснил причину своего визита.

– Ох, что вы, у меня нет времени глазеть в окно! Сын, сами видите, маленький, за ним глаз да глаз! Хотя, погодите, у домработницы спрошу!

Она исчезла в доме и вскоре вернулась со смуглой девушкой, чью национальность Реми затруднился бы определить.

– Я работаю у мадам, – воскликнула она обиженно, – а не в окна глазею!

Мадам рассмеялась.

– Ладно, Надин, ничего страшного, если ты в окно посмотришь! Скажи, если что-то видела. Месье сыщик говорит, что его интересует время около четырех дня, вчера.

– А что случилось-то? – спросила домработница.

– Девушка утонула в озере... Не слышали? Похоже, она со скалы здесь упала.

– Ах, вот почему на нашей центральной площади жандармы! А я-то думаю, что такое...

– К вам не заходили?

– Нет, – ответила хозяйка. – Так если делом занимается жандармерия, то зачем вам?

– Меня нанял человек, который заинтересован в том, чтобы этот случай был прояснен как можно скорее.

– Интере-е-сно как! – Молодая мамаша даже тряхнула своего ребенка от избытка чувств. – Как же эта девушка могла со скалы упасть?

– Так ведь никому не пришло в голову огородить край барьером – вот и упала.

Реми не хотел вдаваться в подробности.

– Скажете тоже! Это же какие деньги, чтобы там ограду установить! И кто их должен дать, деньги? Мы, жители? А с какой стати, скажите на милость? Пусть министерство по туризму тратится! И вообще, я в первый раз слышу, чтобы кто-то тут упал со скалы. У нас здесь все нормальные люди, соблюдают осторожность...

– Так вы обратили внимание на машины вчера, Надин? – потерял терпение Реми.

– Видела. Но какие были в четыре, не знаю. Я ведь не специально смотрела, просто иногда взглядывала в окно... А смотреть у нас больше не на что, одни холмы кругом... В общем так: запомнила я «Меган» синий, «Ситроен», тоже синий, «Смарт» черно-белый... Хотя нет, «Смарт» утром был... Еще машина какая-то иностранная, зеленая, большая...

– Иностранные номера? – перебил ее Реми.

– Нет, номера отсюда не видно, да и зачем мне? Просто она не французская, на высоких колесах, американская, наверное, или японская. Еще приезжала светлая, серебристая, не знаю, какой марки...

Расстроенный, Реми откланялся: от подобной информации толку мало.

Они забрали свой «Ленд Крузер» и покатали в сторону центральной площади: если жандармы еще там, то следует поделиться с ними информацией о следах на скале. Впрочем, учитывая их свинское поведение, Реми еще подумает, делиться или не делиться!

Однако на площади жандармов уже не оказалось. По оживлению, царившему в кафе, Реми сделал вывод, что они только-только уехали. Припарковав машину на боковой улочке, они с Ксюшей заняли столик под зонтиками на террасе и заказали оранжину⁸ и кофе.

Как это свойственно южанам, люди вокруг разговаривали весьма громко, и Реми с Ксюшей прислушивались, надеясь уловить что-то важное.

– Да я ее тоже видел! – взмахнул рукой плотный чернявый мужчина в расстегнутой до середины волосатой груди клетчатой рубашке. – Только ты же в каждой бочке затычка, первым закричал!

– Так чего ты не дал показания? – насмешливо отозвался мужчина постарше, худой настолько, что под его желтой майкой можно было различить все ребра.

– Чтоб я вторым, после тебя? Чести много будет, Дидье!

Он опрокинул залпом бокал и тут же потянулся к «пише» – кувшинчику с дешевым бочковым вином, – который опорожнил, выцедив последние капли.

– Делать тебе нечего, как о моей чести беспокоиться! – презрительно дернул плечом худой и отвернулся от собеседника.

⁸ Оранжина – газированный напиток на основе натурального апельсинового сока с мякотью.

– Ты себя за кого принимаешь? – разъярился клетчатый. – Ты что мне тут доказать хочешь?

Женщина, сидящая рядом с ним, – жена, видимо, – потянула его за рубашку.

– Отстань! – рявкнул он. – Что он себе позволяет? Если он ветеринар, так может на меня свысока смотреть, что ли?

– Ничего себе, тут социальный конфликт намечается! – шепнула Ксюша с усмешкой.

– Как повсюду, – так же шепотом ответил ей Реми. – Но давай лучше помолчим, не то решат, что мы над ними смеемся...

Ссора грозила перерасти в серьезный конфликт, – хоть и, судя по всему, привычный, – но вмешались соседи по столикам. В результате увещеваний миротворцев Морис – так называли они клетчатого – оскорбленно вскочил, потянул жену за собой и покинул кафе, бормоча себе что-то под нос. Худосочный Дидье остался на месте, делая вид, что погружен в беседу с приятелем, но едва заметная улыбка выдавала его торжество: выжил-таки соперника с ринга!

Видимо, вражда этих мужчин была застарелой и широко известной в местных кругах.

– Реми, давай я, – прошептала Ксюша, – ладно?

И, не дожидаясь ответа от мужа, поднялась, направилась к столику Дидье.

– Добрый день! Скажите, вы случайно не об этой девушке говорили? – Она поднесла к его глазам телефон с фотографией незнакомки.

Реми напрягся. Сейчас на Ксению обрушатся грубости, и придется ее выручать... А дело будет испорчено!

– Возможно... – туманно ответил Дидье. – А почему вы интересуетесь?

– Видите ли... – Ксюша немного жеманно повела плечиком. – Я романы сочиняю... детективные, – застенчиво пояснила она. – А тут вдруг такое происшествие! Утопленницу нашли! Я сразу подумала, что нужно написать об этом роман! И вот пытаюсь что-то разузнать об этом событии по горячим следам... Кто она, не знаете?

– И твой парень тебе позволяет? – кивнул в сторону Реми Дидье.

Реми ему подмигнул.

– Ага, чем бы милая ни тешилась, – хмыкнул Дидье, чувствуя внимание к себе завсегда-таев кафе, и широко улыбнулся. – Ну, красавица, я жандармерии уже показания дал, теперь тебе, писательница, дам! Только не забудь мне книжку прислать в подарок, с автографом!

«Уфф», – облегченно выдохнул Реми. Только сейчас он понял Ксюшин финт: она была уверена, что сработает мужская реакция на ее прехорошенькую внешность, и не ошиблась.

– Обязательно! – кивнула Ксюша. – Напишите ваш адрес!

И она, покопавшись в сумочке, вытащила ручку и блокнот.

Дидье бисерным почерком набросал строчку и вернул блокнот Ксюше.

– В общем, так. Она сидела вон там, – он указал рукой на самый крайний столик. – Недолго, минуты три. Официант к ней подошел, она заказала кофе. Только ей принесли, как подкатила машина, «Пежо-307», темно-синий. Дверь приоткрылась, и водитель позвал ее. Сказал буквально вот что: «Вы Ирэн? Я за вами!» Она кофе даже пригубить не успела. Бросила несколько монет на стол, села в машину, и они уехали.

– Куда?

– Куда, мне неизвестно, а поехали они в эту сторону, – махнул он рукой в направлении центральной дороги, пересекавшей городок насквозь, по которой и Ксюша с Реми приехали.

Однако с нее можно было свернуть где угодно, приткнуть машину и пойти пешком к скалам...

– Мужчину, который был за рулем, вы разглядели?

– Не буду врать, я же не Морис... – презрительно хохотнул Дидье. – Не видел. Водитель только приоткрыл дверцу, не выходил.

– Номера машины не запомнили?

– Смотри, какая шустрая! Начинаящая писательница, а прямо как в сериале про Наварро! Молодец, грамотная, далеко пойдешь!

Ксюша улыбнулась, изобразив польщенный вид.

– Так номер...

– Да нет, на кой мне? Знал бы я, что та блондинка в озеро упадет, то запомнил бы, конечно... Одно скажу: местный. Я только на номер департамента посмотрел: наш, Об.

– Может, вы знаете, у кого есть такая модель «Пежо»? Город у вас небольшой, и, наверное, все друг с другом знакомы... А?

В кафе повисла тишина, и в ней ощутимо, будто холодным ветерком, повеяло отчуждением, если не сказать враждебностью.

Неожиданно кто-то отозвался из угла:

– Никто тебе не скажет этого, глупенькая!

Голос был женским, низким. Столик, от которого он шел, находился на границе помещения кафе и террасы, в густой тени навеса, и Ксюша, стоявшая под ярким солнцем, не сразу разглядела, кому он принадлежал.

– Я сказала что-то... что-то не так?

Ксюша растерялась. Впрочем, правильнее было бы сказать, что она не стала скрывать свою растерянность. Реми за несколько лет совместной жизни успел неплохо изучить свою женушку и отлично знал, что Ксения была в чем-то наивна, но при этом весьма смекалиста; она до сих пор казалась маленькой девочкой – умненькой, любознательной и очень непосредственной, – но при этом весьма неплохо владела собой. И, хорошо чувствуя ситуацию и людей, она знала, когда нужно показать свои эмоции, а когда их лучше спрятать. Вот и сейчас Ксюша решила свою растерянность не скрывать. Она ею не играла – она просто ее показала.

И не зря.

– Конечно, детка, – голос женщины смягчился.

Реми немного привстал, чтобы увидеть обладательницу низкого голоса, но тоже не сумел разглядеть ее в тени.

В кафе по-прежнему царила тишина, но теперь ее было бы уместно назвать почтительной.

Ксюша, чуть подумав, направилась в сторону женщины.

– Позвольте присесть? – донеслось до Реми.

– Садись, стулья не являются моей частной собственностью, – услышал он ответ. – А ты там что скачешь, парень? Иди сюда тоже. А то испугался небось, что я твою девушку съем!

– Это моя жена, – сообщил тени Реми, направляясь вслед за Ксюшей.

По кафе пронесся одобрителный мужской гул.

– С акцентом говорит твоя жена, – продолжала женщина. – Русская?

Теперь Реми сумел ее увидеть: полная дама лет под шестьдесят, ухоженная, хотя одетая с той артистической небрежностью, которая свойственна богеме. На ее красивом лице царило выражение незлой иронии, которое нередко присуще людям умным и интеллигентным.

– Русская, – согласился Реми.

– Так вот, утопленница тоже из России.

– Откуда вы знаете? – Реми не стал разочаровывать их необычную собеседницу и говорить, что они и сами об этом догадались.

– А что тут знать? Я в модельном агентстве работаю, всех уже изучила, у нас уйма девушек из Восточной Европы, а русских больше всего... Вы сами-то, месье, из Парижа? У вас произношение столичное.

Делать было нечего, и Реми признался в этом, почти как в грехе.

– Да не бойся, я сама из Парижа. У меня тут дом, в отпуск приезжаю... Ты в самом деле думаешь, что тут на парижан с булыжниками кидаются, что ли?

По кафе пробежали почтительные смешки. Дама здесь пользовалась явным авторитетом.

– В общем, так, – продолжила она, – Ирэн – это Ирина. В наших местах русских не водится, – они все поближе к Лазурному Берегу. Чтобы в твоём романе, деточка, – повернулась она к Ксюше, – возникло что-нибудь существенное, чем красотка-утопленница, вам нужно туда отправляться. Если повезет, то найдете какую-нибудь компанию, в которой знают эту Ирину... Они приезжают парами или компаниями, да будет вам известно. Хотя раз ты русская, то знаешь.

– Не знаю, – помотала головой Ксюша. – Я тут, во Франции, замужем, за Реми. Я сюда не приезжаю с компаниями!

Женщина улыбнулась.

– А насчет машины никто тебе не скажет, и не надейся. Здесь, как ты изволила заметить, городок маленький, все друг с другом знакомы, и на соседей бросать подозрения никто не станет. По крайней мере, прилюдно. Поняла?

Ксюша кивнула, она поняла: прилюдно – не станут, но могут потом в жандармерию позвонить... Анонимно, например.

– Жандармам сказали то же самое, что и тебе, и теперь они станут искать по базе данных, у кого тут такая тачка... Попробуй к ним сунуться, – может, они окажутся благосклонны к твоей хорошенькой мордашке и будущему шедевру! – усмехнулась дама.

– Спасибо за совет, – пролепетала Ксюша.

– Мартин меня зовут. Держите визитку, на случай чего. Удачи вам, молодые люди.

Ксюша приняла маленький кусочек картона с благодарностью и поднялась, Реми вслед за нею.

– Может, кто-нибудь еще что-то заметил? – Ксюша обвела глазами столики.

Никто не ответил.

Они уже отошли от площади, направляясь к своей машине, как вдруг Реми остановился.

– На чем Ирина приехала? Она ведь на чем-то сюда добралась! Ксения, возвращаемся. Спроси, раз уж взяла на себя роль сыщицы: не обратил ли кто внимание, каким образом Ирэн появилась за столиком этого кафе!

Мужчины встретили их возвращение любопытными взглядами.

– Я забыла задать очень важный вопрос... – смущенно проговорила Ксюша. – На чем сюда Ирэн приехала? Кто-нибудь заметил?

– Гляди-ка, – отозвался Дидье, – сообразила! Ну что, скажем ей, мужики?

Ксении ответили не сразу. Люди наслаждались собственной важностью, даже, пожалуй, властью над юной писательницей. Что им было вдвойне приятно, с учетом ее хорошенькой наивной внешности.

Мартин поднялась из-за своего столика, расплатившись, и подошла к ним.

– Я не видела, а то бы непременно сказала! – громко произнесла она и, не обернувшись на завсегдатаев кафе (которым ее фраза и предназначалась), миновала фонтан и свернула на одну из улочек.

– Ладно, – произнес один чуть смущенно, – приехала она на такси. С номерами Ниццы.

Они молча вернулись к машине. Реми никак не мог сообразить, что теперь делать. Ехать в Ниццу и обходить там всех русских с фотографией Ирины? Успех равен нахождению иголки в стоге сена. Русских в Ницце нынче едва ли не больше, чем французов... Искать такси, привезшее Ирину в кафе? Это не под силу частному детективу. Вот если его найдет жандармерия, а Брюно, расторопный хозяин озерного курорта, сумеет эту информацию получить...

– Мужчина, который забрал Ирину из кафе, хорошо знает эти места: он отлично представлял, куда ее вел... – проговорила задумчиво Ксюша.

– Без сомнения. Он не просто из этого департамента, о чем говорит номер его машины, но из ближайших к озеру поселений.

- Может, нам и впрямь в жандармерию попробовать сунуться?
- Рано. Таких машин тут не один десяток, модель распространенная. Даже если нам дадут список ради твоих прелестных глаз, то стоит ли нам объезжать всех обладателей «Пежо»?
- А что же мы будем делать?
- Думать, дорогая моя детективщица! Начнем с вопроса: зачем? Чем насолила ему Ирина? Любовница, от которой он решил избавиться?
- Реми, ну какая же она любовница, если этот тип спросил ее: «Вы Ирэн?» Любовницу-то он уж как-нибудь запомнил бы в лицо!
- Верно, мадемуазель Марпл!
- Ксюша сердито посмотрела на мужа. Ишь, чего придумал! После того как она обиделась на «старушку», он принялся называть ее мадемуазель... Марпл! Очень остроумно, обхо- хочешься!
- Он ее тут встречал, – не заметив хмурого выражения лица жены, продолжал Реми. – Как на вокзале встречают незнакомых. То есть он ее раньше не видел!
- Значит, она приехала к кому-то другому... А он вызвался ее доставить по назначению...
- И убил по дороге! – подытожил Реми. – Давай прикинем, какие могут быть ситуации в данном раскладе, чисто с психологической точки зрения. Вариант первый: у него есть сын, который хотел жениться на Ирине. А этот тип решил не допустить их брака по каким-то причинам...
- Идет, – согласилась Ксюша, уже забыв об обиде. – Вариант номер два: он открыл, что его жена лесбиянка и влюбилась в эту Ирину...
- Ну ты даешь!
- А почему нет? Жена выдавала ее за подругу, но муж каким-то образом прознал... и решил избавиться от соперницы. Вызвался ее встретить и убил по дороге!
- В принципе исключить нельзя... Вот уж точно, у тебя воображение – только романы и писать! А у меня есть вариант три: она могла быть шантажисткой. Они переписывались через Интернет, он назначил ей встречу для передачи денег и убил.
- Не годится, Ремиша, – покачала головой Ксюша.
- Почему это?
- Девушка по-французски писать не умеет, раз даже название города русскими буквами изобразила. Какая уж тут переписка через Интернет!
- А если мужик этот русский знает? Или они на английском общались?
- Что-то мне не верится. Что она могла знать о человеке, живущем в такой глуши?
- А если он в Россию ездил? И там что-то натворил?
- Хм... Ну ладно, – согласилась Ксюша. – Так с чего же нам все-таки начать? Кого искать будем: хозяина машины или людей, которые знают Ирину?
- Что-то я проголодался... Давай начнем с обеда, а?
- При этих словах Ксюша внезапно ощутила сильнейший голод, даже голова закружилась.
- И поскорее! – воскликнула она.

Реми предложил вернуться на площадь и пообедать в том кафе, где они опрашивали местных жителей, но эта мысль Ксюше не приглянулась: в компании местных мужчин, которых она только что расспрашивала, ей было бы неуютно. До соседнего городка было всего двадцать восемь километров, – они посмотрели по карте, – а рестораны есть повсюду, даже в самом крошечном поселении!

Вскоре они приземлились на плетеные стулья в живописном дворике под крышей из дикого винограда, что ностальгически напомнило Ксюше Кавказ, – родители часто возили ее на Черное море в те времена, когда не стоял вопрос, где чья территория...

Они заказали салаты из свежих овощей, террин из зайца, а на горячее выбрали «мясо на камне». Реми со знанием дела поджаривал на прямоугольном раскаленном камне, который поставили на их стол, тончайшие ломтики мяса, маринованные в оливковом масле с травами Прованса, а Ксюша их немедленно съедала.

– Эй, ты бы сбавила обороты! Я не успеваю жарить!

– Они же как папиросная бумага, – виновато пробормотала Ксюша, заправив в рот очередной душистый ломтик.

Когда обед, под их шутливые препирательства, подошел к концу, ей вдруг страшно захотелось спать. И то, встали они сегодня в рань раннюю, торопясь попасть на свидание к Царице озера, и теперь ее организм затребовал недостающую порцию сна. Реми тоже не возражал бы поспать – проблема заключалась в том, что с гостиницей, где они провели предыдущую ночь, они уже рассчитались, а брать номер в другой ради пары часиков было неразумно.

– Поспи в машине, – предложил Реми, откидывая спинку ее кресла.

– А ты? – сонно пролепетала Ксения.

– Найду, куда тачку приткнуть, и тоже посплю малость. В таком состоянии опасно рулить, тем более по горным дорогам.

Когда он нашел лавандовое поле, лиловой волной сбегавшее по пологому склону, и остановил машину на его краю, жена даже не проснулась. Реми выключил кондиционер, опустил стекла, чтобы в машину лился свежий лавандовый дух, и, послушав несколько минут звучный галдеж пчел над полем, заснул, положив руку на Ксюшу.

...Она проснулась первой. Сладко потянулась, обнаружила руку мужа на своем животе и, не задумываясь, переложила себе на грудь. Рука поняла, что ей делать, раньше, чем ее хозяин открыл глаза.

...Спустя час, когда они, разгоряченные и раздумавшиеся от недавней близости, принялись одеваться, Ксюша спросила:

– Куда теперь, Ремиша? Что делать будем?

– Не знаю...

Он и в самом деле не знал. И ему было неловко в этом признаваться.

Они привели одежду в порядок и еще некоторое время сидели в машине, пытаясь что-то придумать.

– Давай тогда поедem в Ниццу... – произнесла Ксюша. – Вдруг нам повезет и мы сразу наткнемся на людей, которые знали Ирину?

Реми очень хотелось блеснуть какой-нибудь гениальной мыслью, но таковые в голову не приходили. Все, что им было известно о человеке, приехавшем за Ирэн, – это марка его машины. Искать ее по местным городкам – дело не только безнадежное, но и откровенно бессмысленное: она стоит уже в чьем-то гараже или хотя бы на участке виллы, а виллы эти усыпали холмы и склоны, насколько хватает глаз, словно горы кто-то посолил крупной солью. Об Ирэн они знают чуть больше: такси привезло ее из Ниццы (впрочем, не факт: если она остановилась в какой-то деревне, то такси все равно бы пришло за ней из Ниццы – в деревушках нет своих таксопарков, понятное дело!). Плюс ее фотография у него в мобильном... Вот и все.

То есть тупик.

– Хорошо, – согласился он. – Попробуем. И к слову, надо гостиницу на ночь найти. В Ницце наверняка мест нет в разгар сезона, да и цены там нечеловеческие... Так что где-нибудь на окраине надо будет поискать.

«Нечеловеческие цены» оказались не только в Ницце, но и вокруг нее. Когда они наконец подыскали себе гостиницу, наступил вечер...

Ужинать они отправились в город. Обошли несколько ресторанов в наиболее оживленных местах (перед тем как приземлиться в одном из них), и повсюду Ксюша, заслышав русскую речь, показывала фотографию Ирины...

Но никто ее не узнал.

Поздним вечером, когда они, удрученные, вернулись в гостиницу, позвонил Брюно. «У жандармов пока ничего, – сообщил он. – Водолазы сумку девушки не нашли. Личность ее не установили. Ищут какую-то машину, вроде нашлись свидетели, видевшие, на чем она уехала из Вилльгарда, но результатов еще нет... Говорят, что пока тупик. А у вас что, господин детектив?»

Пришлось Реми признаться, что у него тоже тупик.

Ксюша, посмотрев на расстроенное лицо мужа, под села к нему, обняла.

– Знаешь, когда я читаю детективы, там все так стройно получается... Меня это всегда завораживало: совершено преступление, и, казалось бы, никакой зацепки! Но потихоньку все как-то начинает раскручиваться: там свидетель подвернется, там случай поможет, – и все так ладненько складывается: раз-раз – и преступника находят!

– В детективах, милая моя Ксю, случай сыщику подбрасывает автор! Это в его воле! А жизнь не так щедра на подарки, мон кёр⁹...

– Не расстраивайся, Ремиша... Завтра жизнь может оказаться добрее! Давай-ка спать. Как говорят у нас в России, утро вечера мудренее!

⁹ Мое сердечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.